ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 150 (3179) Суббота, 19 декабря 1953 г. Цена 40 коп.

РАССКАЗЫВАЮТ РЕДАКТОРЫ ЖУРНАЛОВ...

Планы на новый, 1954 год

ОКТЯБРЬ

Журнал «Октябрь» и в новом году будет развивать те же традиции, которые тридцать лет назад были заложены в основу журнала его первым редактором Дмитрием Фурмановым. Это значит, что в первую очередь мы будем попрежнему сердечно относиться к работе с молодыми талантливыми авторами, что отнюдь не помешает нам широко предоставлять страницы журнала для новых произведений видных советских писателей. В настоящее время писательский актив «Октября» работает примерно над тридцатью романами и повестями, некоторые из них мы намерены опубликовать в предстоящем году. В частности, в первых двух книгах мы печатаем повесть молодого писателя В. Ребунова о геологах, работающих на строительстве Сталинградской ГЭС.

В трех следующих книгах будет напечатан роман А. Коптяевой «Дружба» (Иван Иванович на Сталинградском фронте). Для дальнейших номеров мы наметили вторую книгу романа А. Первенцева «Матросы», романы С. Бабаевского «Любовь» и В. Попова «Закипает сталь», работу над которыми они заканчивают.

В числе произведений поэзии, которые мы собираемся публиковать в будущем году: поэмы Ило Мосашвили — «Базалети», А. Маркова — «Не снимая шинели», В. Урина — «Волгодонская поэма», Е. Шевелевой — «Спортивная честь», В. Журавлева — «Чрезвычайное происшествие». Заканчивают для журнала свои стихи и поэмы Н. Грибачев, С. Кирсанов, М. Рыльский, Самед Вургун, С. Орлов и другие.

В порядке подготовки ко второму Всесоюзному съезду советских писателей мы напечатаем в «Трибуне писателя» статьи о творчестве М. Шолохова, К. Федина, А. Твардовского, А. Суркова, П. Тычины. Готовятся статьи о творчестве А. Фадеева, Л. Леонова, Н. Грибачева и других.

Журнал широко отметит историческую дату 300-летия воссоединения Украины с Россией, посвятив ей циклы рассказов, стихов, очерков, публицистические выступления писателей, статьи о современной украинской прозе, поэзии и сатире.

Главный редактор Ф. ПАНФЕРОВ

ЗВЕЗДА

Первый номер «Звезды» в 1954 году откроется романом В. Лациса «Поселок у моря». Читатель снова встретится с многими действующими лицами, знакомыми ему по известному роману «Сын рыбака». Во второй книге журнала начнет печататься роман И. Чернева «Великий брат» — о дружбе советских людей и китайцев, их совместной борьбе против интервентов на Дальнем Востоке в годы гражданской войны. Намечено опубликовать также вторую часть трилогии В. Смирнова «Открытие мира» и вторую книгу романа В. Саянова «Страна родная». Для «Звезды» пишут произведения о советских людях, наших современниках, В. Кочетов, Э. Грин; закончила работу над новой книгой Е. Катерли.

В новом году редакция думает шире представить в «Звезде» жанры повести и рассказа, причем рассказ должен быть в каждом номере. В первых двух номерах, уже сданных в набор, читатель найдет три рассказа — С. Журахович, А. Минчковского и молодого автора А. Стороженко. Подготовлена к печати новая повесть Л. Борисова о юных ленинградцах.

Поэтический отдел журнала встречает новый год двумя лирическими циклами стихов — В. Шефнера и А. Чепурова. Будут печататься новые стихи А. Прокофьева, М. Дудина, С. Орлова, А. Чивилихина, А. Решетова, Г. Пагирева и других. Предполагается напечатать стихотворный роман В. Саянова «Полвека». Из драматургических произведений в портфеле редакции имеются пока две пьесы — И. Сельвинского и А. Чиркова.

В центре внимания отделов публицистики, науки, очерка будут материалы, рассказывающие, как неустанно заботятся партия и правительство о благе народа. В январском номере «Звезды» печатается очерк В. Карпа «Новые приметы» — о новом в деревне после сентябрьского Пленума ЦК партии. Журнал попрежнему будет отводить видное место статьям, посвященным международным вопросам и борьбе за мир.

В 1954 году редакция намерена еще шире, чем раньше, привлекать к участию в журнале новые силы, в частности, в отделах критики и библиографии и «Трибуне читателя».

Главный редактор В. ДРУЗИН

KAROGS

В 1950 году в нашем журнале была опубликована первая книга романа Анны Саксе «Искры в ночи». В наступающем году читатели прочтут на страницах «Карогса» вторую книгу этого романа, посвященную борьбе латышского народа против буржуазного строя и националистической идеологии.

В первых номерах за 1954 год мы начнем печатание нового романа Роберта Селиса о жизни рижского пролетариата накануне первой мировой войны. О счастливом сегодняшнем дне латышского народа, о латышских колхозах расскажет роман А. Броделе. В портфеле редакции находятся также роман Индрика Леманиса, рассказы Жана Гривы, Яна Гранта, Эвалда Вилка.

В отделе поэзии мы надеемся напечатать новые большие произведения: Валдис Лукс обещал поэму, посвященную сельским механизаторам, Анатоль Имерман — поэму «Жизнь прекрасна». Читатели найдут в нашем журнале стихи Яна Судрабкална, Мирдзы Кемпе, Фрица Рокпелниса и других.

Молодой писатель Альберт Янсон передал редакции сатирическую одноактную пьесу «Петля», которую мы опубликуем в одном из ближайших номеров. Будет представлена в «Карогсе» и кинодраматургия.

Для раздела публицистики Я. Судрабкалн пишет статью, посвященную важному событию жизни нашей страны — празднованию трехсотлетия воссоединения Украины с Россией.

Значительно интереснее станет критический отдел.

В конце этого года в «Карогсе» был введен раздел «Трибуна писателя», он станет постоянным разделом журнала.

Попрежнему будут помещаться рецензии на выходящие в Латвии и братских республиках книги, культурная хроника и библиография.

Редактор А. БАЛОДИС

Новые подписные издания

До конца декабря будет объявлена подписка на пять новых собраний сочинений, осуществляемых Гослитиздатом,—И. Тургенева (12 томов), В. Короленко (10 томов), Д. Мамина-Сибиряка (8 томов), Демьяна Бедного (5 томов) и Э. Ожешко (5 томов).

Уже отпечатан первый том собрания сочинений И. Тургенева, содержащий «Записки охотника». В первом томе собрания сочинений В. Короленко — произведения так называемого сибирского цикла. Первый том собрания сочинений Д. Мамина-Сибиряка содержит очерки и рассказы.

В собрание сочинений Демьяна Бедного включены стихи, басни, статьи и письма поэта. Творчество классика польской литературы XIX века Э. Ожешко представлено романами «Меир Эзофович», «Над Неманом», повестями «Марта», «Низины», «Дзюрдзи», «Хам» и другими, а также рассказами.

Китайский народ голосует

В Китае проходят сейчас всеобщие выборы органов народной власти. В западном районе Пекина они прошли 6—10 декабря. В выборах приняло участие 95 процентов избирателей.

Мы ехали на избирательные участки в западный район Пекина — Сидан. Шел восьмой час утра. Улицы были еще затянуты туманом. Туманы в китайской столице часты осенью, если только декабрь можно назвать осенним месяцем. Я представляю, какие стоят сейчас морозы в моем родном городе Новосибирске. Но здесь еще тепло. Пекин «отапливает» теплое морское течение Куро-Сиво. С севера и запада горы защищают город от холодных ветров.

В этот ранний час, когда не поднялось еще солнце, в Пекине прохладно. Люди идут в ватных фуфайках и поеживаются.

Мы проехали Красную площадь Пекина — Тяньаньмынь с ее знаменитыми воротами Небесного спокойствия, пересекли несколько шумных торговых улиц, и перед нами вдруг возникли флаги: красные, желтые, голубые, розовые. Утренний ветерок чуть шевелил их. Флаги прикреплены к бамбуковым древкам, которые воткнуты прямо на панелях.

Здесь, собственно, и начался Сиданский район — один из семи районов столицы Китая. Это очень пестрая часть города. В ней есть широкие прямые улицы, покрытые асфальтом, и кривые переулки, по которым едва расходятся два встречных ослика. Рядом с кварталами больших и монументальных зданий ютятся фанзы с земляным полом и разнообразные крохотные мастерские, где работа производится вручную.

От ворот Сяньмин на севере района и до западных ворот на юге разлилось шумное море частновладельческих заводиков, кустарных мастерских и самых разнообразных магазинов, лавок, лотков. Но здесь же работает тринадцать государственных предприятий и девяносто два торговых учреждения. Здесь имеется восемьдесят девять начальных, средних и специальных учебных заведений. Сиданцы очень гордятся своим районом. Именно в этом районе размещаются Народное правительство и Центральный комитет Коммунистической партии Китая.

Мы проехали мимо правительственных кварталов. Всюду — шелковые разноцветные флаги. Солнце уже взошло — высокое, жаркое солнце, — и залило своими лучами и широкие проспекты, и извилистые переулки. Флаги переливались всеми цветами. Казалось, что сама радуга опустилась на улицы города.

По радио беспрерывно транслировались марши. По улицам шли со знаменами колонны людей. В руках у них были цветы. Все было необычайно ярко и торжественно.

Наша машина остановилась у высоких ворот, сплошь задрапированных кумачом. В глазах зарябили иероглифы — черные, золотые, белые. Я не умею читать их. Но, несомненно, какие-то из них обозначали «Добро пожаловать»: ведь здесь помещается избирательный участок.

До голосования оставалось три минуты. Длинная очередь, заполнившая весь двор, замерла в ожидании. И вдруг все зашевелились, замахали руками, зашумели. Мы услышали уже знакомое нам слово:

— Сулянь! Сулянь! (Советские! Советские!).

Мы шли через длинный двор, и он все время гремел:

— Сулянь, сулянь!

Растроганные, смотрели мы в возбужденные лица наших друзей. И мне вспомнилась сцена у подъезда нашей столичной гостиницы «Москва». Это было накануне 1 Мая. Из автобуса вышла делегация китайских гостей. Случайные прохожие тотчас же окружили их, аплодировали и кричали:

— Тунчжи, тунчжи!—Толпа с каждой минутой увеличивалась, и слово «тунчжи» —«товарищи» — гремело по всему Охотному ряду...

— Как это хорошо,— сказал председатель участковой избирательной комиссии переулка Пику,—в такой светлый для нас день пришли в Сидан советские товарищи.

В очереди к урнам первыми стояли восемнадцатилетние юноши и девушки. С этого возраста все люди Китая получили право избирать и быть избранными. Колонна молодежи была самой шумной. Она явилась в 6 часов утра и громче всех пела и выше всех бросала вверх красные бумажные цветы.

В 8 часов утра открылись двери избирательного участка, и я на какое-то мгновение потерял способность разбираться в том, что происходило. Юные избиратели с песнями хлынули в зал, били в барабаны, гремели литаврами, поднимали на руках своих кандидатов.

И только когда этот бурный молодежный поток схлынул, мы увидели весь процесс голосования.

Вот переступил порог шестидесятипятилетний старик в длинном черном стеганом халате. У него высоко поднятая посеребренная сединой голова. Он сразу же заметил доску, на которой изображена форма избирательного бюллетеня.

— Если вы за кандидата, — пояснила старику девушка, дежурившая у доски, — поставьте в бюллетене против его фамилии кружок. А если против — поставьте крестик. Можете вписать в бюллетень и новую фамилию.

Такие доски были выставлены во всех двадцати семи избирательных участках. У каждой из них дежурили члены Новодемократического союза молодежи и беспрерывно поясняли все вновь и вновь входящим, как нужно заполнять бюллетень. Я видел, как на участке Дасяньцзин юная Ху Юцин подробно разъясняла эту премудрость министру юстиции Ши Лян, а затем председателю Верховного суда Шень Цзуньчжу, не подозревая, разумеется, кто перед ней проходил.

Вернемся, однако, к нашему старику на избирательном участке. Выслушав разъяснение девушки, он вынул из кармана удостоверение избирателя и подошел к первому столу, где выдавались бюллетени. Потом перешел ко второму, сделал на бюллетене какие-то пометки и, свернув его, опустил в урну.

Мы пробыли на участке около часа. Потом посетили еще пять избирательных пунктов и везде видели нескончаемый поток людей. Временами я встречал своих пекинских знакомых: рабочего Чжао Цзуйхай, заместителя редактора журнала «Народный Китай» Лю Цзунь-цзы, домохозяйку Чен Цин-фын, учителя Тан Цзы-цзай, старейшего художника Китая Ци Бай-ши, рикшу Лю Бао-цзуаня. Все они, как и тысячи других, держали в руках избирательные бюллетени. Внешне это небольшой листок бумаги, испещренный несколькими иероглифами. Но какой глубочайший смысл таит он в себе!

С каким чувством заполняют бюллетень люди? О чем они думают, опуская его в урну?

Эти вопросы я задавал многим избирателям. Шестидесятипятилетний старик, о котором я уже говорил выше (имя его Чжан Цзи-сян), ответил:

— Я старый человек и скажу вам древнее изречение моего народа: «Птицы стремятся к свету, люди стремятся к счастью».

Пожилая женщина Ян Фын-тин, которая в войне против японского империализма потеряла восьмерых из одиннадцати детей, сказала:

— Мы выбираем таких людей, которые дадут вечное счастье нашим детям.

Юноша Ю Цюань-фу подошел ко мне сам. На груди у него был значок с изображением Чойбалсана.

— Вам доводилось бывать в Монголии? — спросил я.

— Почему вы так подумали? — удивился моему вопросу Ю.— Ах, вы об этом значке! Мне подарил его корейский товарищ.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что ехал как-то через монгольские степи человек из Вьетнама, встретил на одном из вокзалов монгольского пастуха, познакомился с ним и в знак дружбы обменялся с монголом значками. На следующем перегоне вьетнамец разговорился с корейцем, который был в этом же поезде, и они обменялись значками. На Пекинском вокзале корейцев приветствовала китайская молодежь. На груди Ю Цюань-фу был китайский значок. Произошел новый обмен. И вот восемнадцатилетний Ю Цюань-фу пришел на избирательный пункт с монгольским значком на груди. У урны, казалось, стояли четыре восточных народа, тесно сомкнувшие свои руки в вечной дружбе.

Когда я спросил Ю, о чем он думал, опуская в урну первый в своей жизни бюллетень, юноша, не задумываясь, ответил:

— Я хотел видеть счастливым весь мир.

А потом, посмотрев на свои руки, которые не знал куда деть, он неожиданно спросил:

— Знаете, что означают иероглифы моего имени, — и улыбнулся, сам же ответив: — Полное счастье! Так и напишите в своей корреспонденции в московскую газету: «Человек, имеющий полное счастье».

Я беседовал еще со многими людьми. Ответы были короткие и длинные, метафоричные и простые, но во всех непременно было слово: счастье.

До выборов мне довелось побывать в загородном Летнем дворце. Это изумительное создание народного таланта и труда. Однако народу не разрешалось даже близко подходить к дворцу. Одна из императриц, возомнившая себя бессмертной, приказала высечь на стенах дворца и храмов замысловатые иероглифы «Фу», что значит «счастье», и «Шоу» — «долголетие». Иероглиф «долголетие» был изображен в ста самых различных вариантах.

Но не помогли иероглифы императрице — она умерла. Не помогли они императорам — народ сверг их.

Многие десятилетия сидели на шее Китая хищные колонизаторы. Они думали, что так будет вечно. Народ прогнал колонизаторов со своей земли и вместе с ними вышвырнул их лакеев — презренных гоминдановцев. Остался и вечно будет жить народ. Впервые за многовековую историю он свободен и весь устремлен вперед, к счастью, как птицы к свету.

— Счастье я вижу в труде, — сказал мне рабочий авторемонтного завода Гун Ли-цзин.

Я был на квартире Гуна. Познакомился с его большой семьей. Я видел его детей, одетых в теплую и опрятную одежду, мне показывали их школьные тетради. Правда, квартира Гун Ли-цзина еще бедновата: кан вместо кроватей, земляной пол вместо паркета. В ней нет красивой мебели, дорогих одеял. Но это будет, потому что нет ничего невозможного для труда, когда он свободен!

За свое пока еще непродолжительное пребывание в Китае я много раз слышал здесь: «В нашей стране миллиард рук!»

Это одаренные и на редкость работящие руки. Только четыре года прошло с тех пор, как они стали свободными, а какие чудесные преобразования уже произвели в своей стране!

Я беседовал с некоторыми избирателями об их планах, их стремлениях.

Рабочий Чжао Цзуй-хай сказал мне:

— Я хотел бы поработать на автомобильном заводе, который уже воздвигается на северо-востоке нашей страны. Таких у нас еще не было.

— Я мечтаю поступить на текстильный комбинат, — ответила Шен И. — Он скоро украсит нашу столицу. Таких комбинатов мало в мире.

— Я стану инженером, — заявил юноша Гун Чен,— и поеду на аньшаньский металлургический комбинат. Он будет гордостью Китая.

Миллиард рук! Сколько они построят заводов, чтобы сделать Китай индустриальным. Сколько воздвигнут каналов и плотин, чтобы поднять плодородие земли, сколько проложат железных дорог, чтобы связать между собой все районы своей родины!

И вот эти руки опускают бюллетени в избирательные урны...

Народ голосует за новый Китай.

Савва КОЖЕВНИКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ПЕКИН. (По телеграфу).

Международные отклики

ПОЛИТИКА УГРОЗ

17 декабря в Версальском дворце собрались депутаты Национального собрания и Совета республики Франции. Им предстоит избрать нового президента вместо Венсана Ориоля, срок полномочий которого истек. Французы внимательно следят за результатами первых туров голосования, в которых ни один из кандидатов пока не получил необходимого большинства.

Выборы президента — крупное событие в политической жизни Франции. Обычно уже задолго до дня выборов газеты отводят этому событию основное место. Но на этот раз печать в канун президентских выборов отвела много места на своих колонках протестам французской общественности против грубых заявлений государственного секретаря США Даллеса, сделанных им в Париже.

Даллес пригрозил Франции, что если она не ратифицирует в ближайшие месяцы договор о «европейском оборонительном сообществе», главной целью которого, как известно, является восстановление германской реваншистской армии, то США осуществят «трагический и коренной пересмотр своей нынешней политики».

Угрозы Даллеса были единодушно расценены французским общественным мнением, как покушение на суверенитет и независимость Франции. В мировой печати до сих пор продолжают оживленно комментировать политический скандал, разыгравшийся в Париже, как беспрецедентное по своему характеру давление Соединенных Штатов на Францию.

Ряд буржуазных газет западноевропейских стран выражает явное недовольство выступлением Даллеса на пресс-конференции в Париже. Так, шведская газета «Стокгольмс-тиднинген» констатирует, что «повсюду открыто говорят о кризисе в отношениях между Францией и США». Упоминая о заявлении государственного секретаря в Париже, газета отмечает: «Подобные методы нажима, мягко выражаясь, нетактичны, в особенности, когда дело касается Франции с ее сильным национальным чувством...»

Некоторые буржуазные итальянские газеты также не скрывают всей серьезности кризиса в отношениях между Францией и США и выражают тревогу по поводу все усиливающегося давления со стороны американских правящих кругов. Туринская газета «Стампа», например, пишет: «Времена политики «большой палки»... навсегда ушли в прошлое. Франция—это великая нация», и она не позволит навязать ей «вооружение Германии путем запугивания». С критикой заявления Даллеса выступает и миланская газета «Коррьера делла сера». Государственный секретарь «предпочел... грубость слишком явного ультиматума», — пишет она. Датская газета «Сосиал-демократен», разглагольствуя о якобы достигнутом единстве участников только что закончившейся сессии Совета агрессивного Северо-атлантического блока, однако, отмечает: «Вопрос о том, ратифицирует ли, в конце концов, Франция, при существующих сейчас условиях, договор о европейской армии, остался не решенным и после угрозы Даллеса».

16 декабря во второй палате голландского парламента происходили прения по бюджету министерства иностранных дел. Голландская газета «Де телеграаф», касаясь этих прений, писала: «Ультиматум», поставленный Даллесом Европе, тяжелой тучей навис вчера над второй палатой парламента... В речах депутатов сквозили растерянность и чувство неловкости».

Вашингтонские политики уже долгое время пытаются низвести Францию до положения своего послушного сателлита. Американские правящие круги стремятся навязать Франции методами угроз и диктата участие в пресловутом «европейском оборонительном сообществе» и тем самым поставить французский народ перед совершившимся фактом возрождения германского милитаризма. Однако, судя по откликам некоторых буржуазных газет на заявление Даллеса, общественность западноевропейских стран осуждает американскую политику диктата, политику, не имеющую ничего общего с интересами обеспечения мира и европейской безопасности.

КЕНИЯ БОРЕТСЯ

На днях английский министр колоний Оливер Литтлтон объявил о решении правительства предоставить Кении 11 миллионов фунтов стерлингов. Чем же вызвана столь трогательная забота о далекой колонии?

«Щедрость» Лондона становится вполне понятной в свете последних событий в Кении. Всему миру известно, что английские войска уже больше года «ведут войну» с массовым национально-освободительным движением в колонии. Против африканских тружеников брошены регулярные войска, имеющие на вооружении самолеты, броневики и артиллерию.

Рис. М. Абрамова

Даже из официальных заявлений видно, что в Кении имеет место форменная бойня. Выступая 9 декабря в палате общин, министр Литтлтон заявил, что за одиннадцать месяцев этого года в Кении только регулярными войсками было убито 2 822 африканца. Говоря о количестве раненых, он назвал втрое меньшую цифру. Таким образом, число убитых во время «военных действий» втрое превышает число раненых! Комментируя этот факт, лейбористская газета «Дейли геральд» указывает: «...Английский народ будет вынужден считать, что в Кении проводится массовое уничтожение».

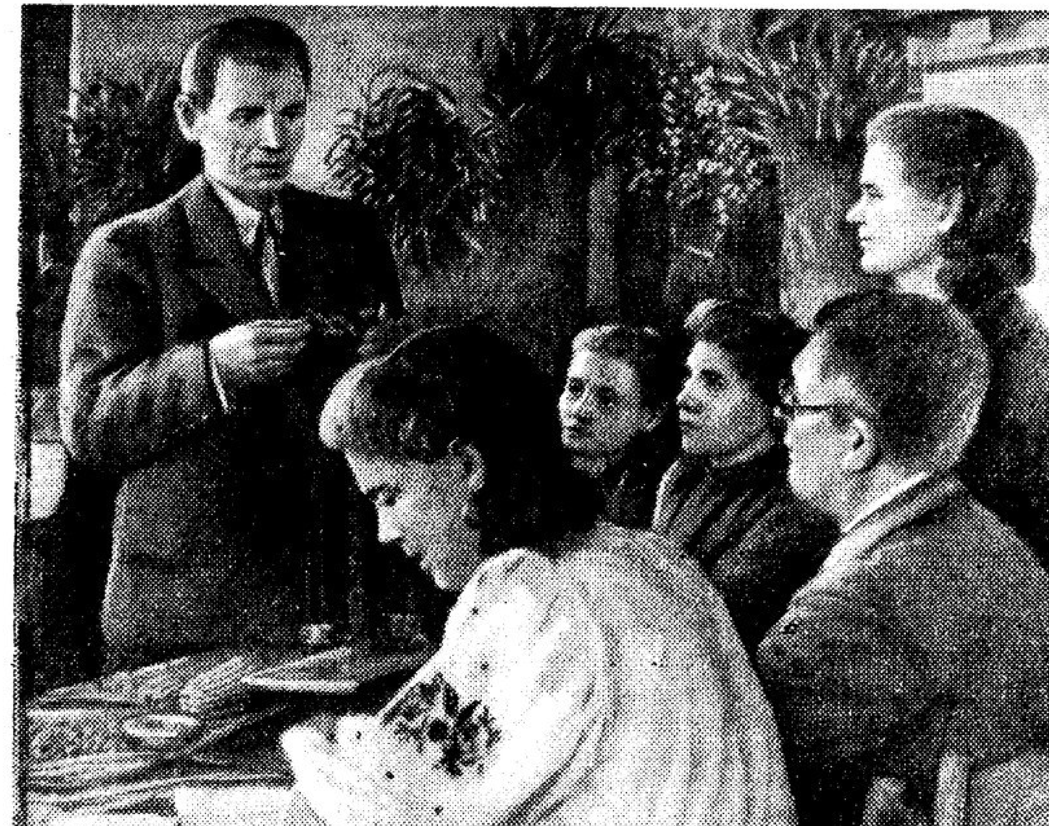
В последнее время каратели приступили к планомерному истреблению с воздуха беззащитных женщин и детей. Например, только за один день 11 декабря, как сообщает агентство Рейтер, тяжелые бомбардировщики сбросили на лесной район Кипипири в провинции Рифт-Вэлли восемь с половиной тонн бомб. Как и другие районы, этот район объявлен властями «запретным», на том основании, что там, мол, скрываются «страшные террористы» из никому не ведомого тайного общества «Мау-Мау». Но колонизаторы не могут не знать, что в так называемых запретных районах нашли себе убежище от репрессий тысячи мирных жителей, в том числе женщин и детей.

Каковы же результаты этой политики кровавого террора и массовых репрессий? Подавить освободительное движение колонизаторам так и не удается. Если раньше против английского господства выступало лишь одно негритянское племя, то теперь против чужеземного гнета поднимаются и другие племена.

Симпатии всех людей доброй воли — на стороне свободолюбивого народа Кении. С его мужественной борьбой солидаризировались Всемирная федерация профсоюзов и Международная демократическая федерация женщин. 9 декабря в Англии был отмечен национальный день протеста против действий английского правительства в Кении. В этот день ряд организаций, объединяющих в общей сложности около полумиллиона человек, направил министру Литтлтону письма с требованием немедленно прекратить военные действия в Кении и освободить арестованных африканских лидеров.

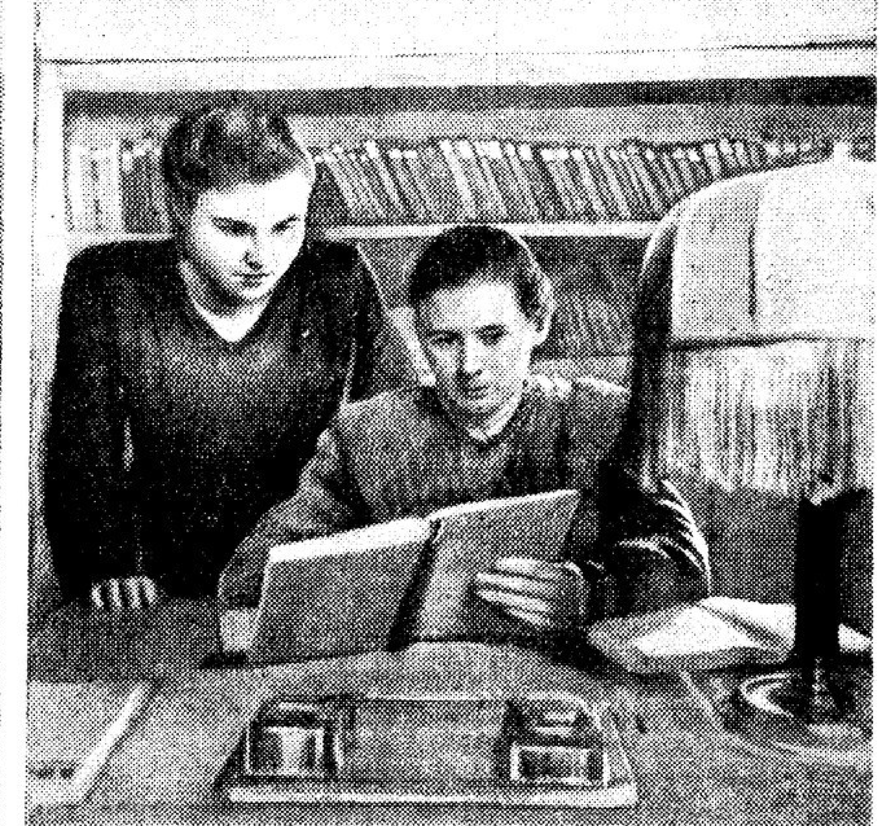
Однако колонизаторы, не считаясь с возмущенным общественным мнением, усиливают репрессии против негритянского населения. И ассигнованные на днях английским правительством 11 миллионов фунтов стерлингов предназначены в основном, как это явствует из сообщений агентства Рейтер, для подавления освободительного движения в Кении.

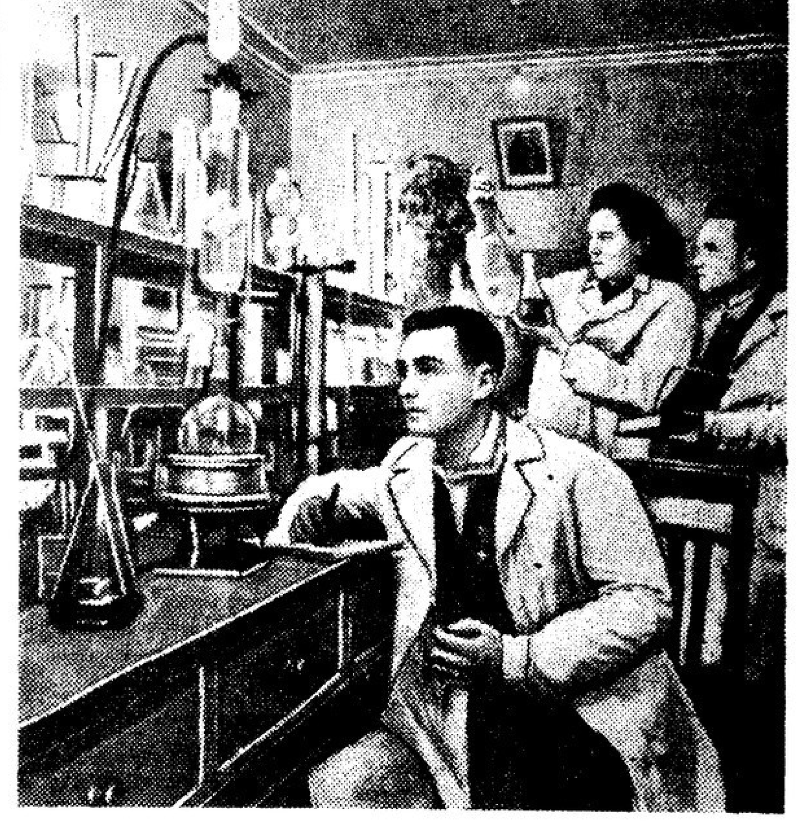
ЛИТЕРАТОР

В колхозной деревне идет настойчивая борьба за претворение в жизнь решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС. По призыву партии на село направляются квалифицированные кадры агрономов, зоотехников и механизаторов. Специалисты помогают колхозникам овладевать агро-зоотехническими знаниями, перенимать опыт передовиков.

На снимках (слева направо): 1. Агроном А. Бирюков (слева) проводит занятие с полеводами колхоза «Красная звезда» Пластуновского района, Краснодарского края. 2. Механизаторы Красногорской МТС, Московской области, В. Новиков, П. Васильев и Н. Гусаров беседуют с демобилизованным воином-танкистом М. Попковым (второй справа), изъявившим желание работать в машинно-тракторной станции. 3. Зоотехник Л. Закутская (слева) и агроном Е. Ефимова, недавно прибывшие на работу в Надеждинскую МТС Ставрополья, готовятся к занятиям с колхозниками. 4. Герой Социалистического Труда Н. Кулик на лабораторных занятиях в Харьковской средней сельскохозяйственной школе по подготовке председателей колхозов.

Фото Е. Шулепова, И. Егорова, П. Лисенкина, С. Преображенского

ВЫШЕ УРОВЕНЬ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

ЦК Компартии Грузии о работе драматических театров

Центральный Комитет Компартии Грузии принял постановление «О мерах по улучшению работы драматических театров Грузинской ССР».

В постановлении, как сообщает газета «Заря Востока», отмечаются некоторые успехи театров в деле повышения идейно-художественного уровня спектаклей и увеличения количества пьес, отображающих нашу социалистическую действительность.

Наряду с успехами в работе театров республики имеются существенные недостатки. Важнейшие указания XIX съезда партии о решительном повышении идейно-художественного качества произведений искусств осуществляются неудовлетворительно. Значительная часть спектаклей, даже ведущих театров Грузии, стоит на низком идейном и профессиональном уровне. За последние годы выпущен ряд слабых спектаклей, в которых многогранная жизнь советских людей, их быт и трудовые подвиги показаны примитивно, упрощенно, без глубокого раскрытия образов: «Лали» К. Каладзе в театре имени Марджанишвили, «Кузница счастья» П. Какабадзе в театре имени Руставели, «Весна перелома» В. Канделаки в батумском театре, «Лисица и ее хвост» В. Патарая в сталинирском и потийском театрах, «Друзья из Вазисубани» А. Абшилава и И. Джавахишвили в телавском и горийском театрах.

Главной причиной неудовлетворительной работы театров республики, указывается в постановлении, является отсутствие хороших в идейном и художественном отношении драматических произведений на современные темы. В большинстве пьес, принимаемых к постановке театрами, конфликты сглажены, разрешаются механически или совершенно затухают к финалу, как, например, в пьесах: «Праздник в Сакреула» С. Клдиашвили, «Весеннее утро» В. Габескирия, «Роза столепестковая» К. Буачидзе. Надуманные сюжеты и ситуации, отсутствие целеустремленности драматического действия, нежизненность конфликтов и художественных образов, невыразительный словесный материал некоторых пьес не позволяют театрам создавать высококачественные спектакли.

Крайне неудовлетворительно освещается в пьесах грузинских драматургов тема дружбы народов Советского Союза.

Министерство культуры Грузинской ССР, Союз советских писателей Грузии и руководители театров не уделяют должного внимания обеспечению театров высококачественными пьесами. Все еще не налажены необходимая связь и творческое содружество драматургов с театрами.

В постановлении отмечается, что секция драматургов Союза советских писателей Грузии ограничивается лишь беглым обсуждением поступающих самотеком пьес. Ряд видных драматургов (Ш. Дадиани, С. Шаншиашвили, П. Какабадзе, М. Мревлишвили, К. Каладзе и др.) работает недостаточно плодотворно.

Неудовлетворительно поставлена и творческая работа театральных коллективов. Ведущие драматические театры республики — имени Руставели и имени Марджанишвили — за последние годы ограничиваются постановкой посредственных спектаклей. Видные мастера театрального искусства — А. Хорава, А. Васадзе, В. Анджапаридзе, Ш. Гамбашидзе, Т. Чавчавадзе и многие другие — редко появляются на сцене.

Особенно резко критикуется в постановлении работа театра имени Руставели, который из год в год срывает план новых постановок, в результате чего его большой творческий коллектив в значительной мере простаивает. Театр не уделяет должного внимания постановке лучших произведений классической и русской советской драматургии. Репертуар театра пополняется плохо, тем самым тормозится творческий рост коллектива и особенно театральной молодежи.

Из-за систематического невыполнения плана новых постановок и значительного снижения художественного уровня выпускаемых спектаклей театр постепенно утратил былую популярность и часто проводит спектакли в полупустом зрительном зале.

Постановление осуждает аналогичные недостатки в работе и других театров республики.

Плохо работают художественные советы театров. В работу советов не вовлечены видные представители творческой и научной общественности. В ряде театров грубо нарушается принцип коллегиального руководства. Руководители театров не прислушиваются к голосу справедливой критики.

На весьма низком уровне стоит театральная критика. Она мало помогает театрам в повышении идейно-художественного уровня спектаклей. Принципиальная, деловая критика нередко подменяется субъективными, произвольными оценками и незаслуженным захваливанием отдельных постановок. Некоторые театральные критики все еще не освободились от вредной «теории» бесконфликтности.

Плохо освещаются вопросы театрального искусства на страницах республиканской печати.

Постановление указывает, что Министерство культуры Грузинской ССР и его Главное управление по делам искусств плохо руководят работой театров, не направляют их на выполнение больших творческих задач, не налаживают ритмичную работу театральных коллективов республики.

Центральный Комитет Компартии Грузии предложил Министерству культуры Грузинской ССР, директорам, главным режиссерам и секретарям парторганизаций драматических театров принять действенные меры к устранению крупных недостатков, имеющихся в области театрального искусства; до конца перестроить творческую работу в соответствии с задачами, вытекающими из постановлений Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам и решений XIX съезда КПСС.

С этой целью всю творческую, политико-воспитательную и партийно-организационную работу в театрах необходимо направить на решительное повышение идейно-художественного уровня спектаклей, на создание больших театральных полотен, отвечающих возросшим культурным запросам советского народа, правильно и глубоко отображающих нашу действительность.

Союзу советских писателей Грузии поручено коренным образом улучшить работу секции драматургии, превратить ее в творческую лабораторию писателей, работающих над новыми пьесами, добиваться глубокого проникновения драматурга в сущность происходящих событий, правдивого и глубокого отображения острых конфликтных ситуаций, раскрытия типических характеров действующих лиц. Обратить серьезное внимание на создание пьес о дружбе народов СССР. Организовать при секции драматургии постоянно действующий семинар для молодых писателей, активнее вовлекать видных драматургов в работу по созданию новых пьес.

Министерству культуры Грузинской ССР предложено в месячный срок пересмотреть репертуар театров республики, увеличить в нем удельный вес оригинальных грузинских пьес на современные темы, исключить из репертуара слабые в идейно-художественном отношении спектакли; повысить требовательность к пьесам, принимаемым к постановке; осуществить ряд мероприятий по выдвижению молодых талантливых кадров.

При клубе Наро-Фоминской прядильно-ткацкой фабрики (Московская область) восемь лет существует детская изостудия. Сейчас занимается более 40 школьников. На снимке: на уроке рисования; справа—руководитель студии С. Г. Пугачев.

Фото В. Зунина

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ЕЩЕ РАЗ О НУЖДАХ ФОТОЛЮБИТЕЛЕЙ

Человек с фотоаппаратом...

Будь это профессионал-фотокорреспондент, выполняющий свою повседневную работу, или научный сотрудник, собирающий материал для исследований, или просто любитель, отдающий фотографии часы досуга,— каждый из них делает немаловажное дело. И каждый нуждается в помощи, в возможностях профессионального роста.

Но кто объединяет работников и любителей фотографии, кто руководит ими, заботится об их нуждах, кто обеспечивает творческую связь между ними? Кто регулирует отношения между работниками фотопромышленности и потребителем фототоваров? Кто ведает подготовкой кадров? Иными словами, кто отвечает за развитие фотографии в нашей стране?

Практически — никто.

Не в первый раз поднимается разговор об этом на страницах советской печати. Однако до сих пор дело не сдвинулось с места.

Теперь, когда Министерство культуры СССР объединило бо́льшую часть учреждений, в ведение которых входят отдельные стороны фотодела,— кому, как не этому министерству, централизовать руководство фотографией?

Большую помощь в развитии фотографии мог бы оказать специальный журнал по типу выходившего до войны журнала «Советское фото». Об этом ставят вопрос в своих письмах многие читатели «Литературной газеты».

Редакция рассчитывает, что Министерство культуры СССР в ближайшее время сообщит читателям свое мнение по поводу создания журнала и решит также другие наболевшие вопросы развития фотографии.

Я не ошибусь, если скажу, что фотолюбителей в нашей стране миллионы. И все они, понятно, хотят научиться хорошо фотографировать, хотят расти, а для этого нужна помощь, нужна квалифицированная регулярная консультация.

Такую помощь мог бы оказать фотолюбителям специальный журнал — такой, например, каким для радиолюбителей является журнал «Радио».

Журнал должен также освещать задачи советской фотографии, пропагандировать достижения, передовой опыт в этой области, проводить конкурсы, заниматься вопросами теории и практики фототехники, помогать кружкам при рабочих клубах и т. д.

А. КОМИССАРОВ

ЗЛАТОУСТ

Фотография давно уже получила широкое распространение почти во всех областях жизни: в науке, технике, хозяйстве, культуре. В связи с этим большие требования должны предъявляться к литературе по фото. И здесь надо сказать, во-первых, о далеко еще не достаточном количестве этой литературы и, во-вторых, о том, что наряду с удачными книгами выпускаются неполноценные, наспех состряпанные.

Оставляет желать много лучшего и качество оформления книг по фотографии.

Трудно учиться фотомастерству по таким книгам, и у многих любителей после ряда неудач появляется разочарование, неуверенность, а главное — ощущение одиночества и заброшенности. А насколько улучшилось бы дело, будь у фотолюбителей свой популярный журнал, который не только помогал бы овладевать навыками фотографирования, но и отзывался на все наши нужды, во-время сигнализировал бы о недостатках в снабжении фототоварами.

Потребность в журнале для фотолюбителей очень велика и очевидна. Отсутствие такого журнала вызывает недоумение, тем более, что до войны, когда фотолюбительство у нас не имело такой солидной технической базы, как теперь, подобные журналы издавались. Но факт остается фактом: журнала нет.

Мы считаем такое положение ненормальным.

В. САВИН

МОСКВА

До войны в СССР издавались журнал «Советское фото» и другие печатные издания по фотографии. Но теперь все они прекратили свое существование. За послевоенные годы появилось много новых журналов, а фотожурнал так и не возобновлен.

Многочисленные любители, а часто и профессионалы, не имея организующего их работу центра, не имея возможностей для профессионального роста, что называется, «варятся в своем соку». Нет сомнения, что создание журнала поможет дальнейшему развитию фотографии в нашей стране.

С. СЕСЯГИН

КРАСНОЯРСК

ОТКУДА ОН?

Из каких же парень мест?
Он не спит, не пьет, не ест,
День и ночь в работе
Парень на болоте.
Отпуск Ваня не берет,
Говорит: — Не надо!
Я хочу, наоборот,
Жать на полный разворот,
То есть до упада.
Что мне крымские дары
Да загар на коже!
На болоте комары
Для меня дороже.
Что мне южная земля,
Гроздья винограда!
Только торфа штабеля
Для меня отрада.
Из каких же Ваня мест?

Он все время вперекрест,
Расправляя плечи,
Произносит речи.
Он брюзжит, как фарисей,
К месту и не к месту,
Оторвался от друзей,
Позабыл невесту.
Носит в зной и в стужу пург
Пропотевший китель...

Лакировщик-драматург,
Ты — его родитель!
Это ты его завел
На ходулях темы
В непролазный произвол
Сладковатой схемы.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ВСЕЗНАЮЩИЙ ПЕТУХ

(БАСНЯ)

Некоторые местные работники сводят руководство к тому, что объезжают за день многие колхозы, задерживаясь в них на короткий срок, и все дело ограничивают поверхностными указаниями или очередным «разносом».

(Из газет)

Петух, что во дворе
окраской выделялся,
Спортивным тренером
средь прочих птиц
считался.
Утята с петухом
отправились на пруд.
Там, на мостках, сияя
опереньем,
Петух кричал.
Все слушали с волненьем:
«— Мне негде
развернуться тут!
Я вам одно скажу:
во всем нужно́ уменье.
Держите ряд!
Ну разве так плывут?!
Правей!
Левей!
Куда плывешь, куда?
Забыл, что под тобой — вода?..
Боюсь я только простудиться,
А то б увидели, чему и как
учиться...»
Утята были сбиты с толку,
А их учитель, стоя на
мостках,
Все кукарекал безумолку.
И до того, забыв
врожденный страх,
Разгорячился,
Что в воду сам нечаянно
свалился...
Глотнул воды и чудом
уцелел.
Петух...
сам плавать не умел.

* * *

Другой, что наш петух,
наведавшись в колхоз,
Пройдется по полям,
На скотный двор заглянет
И ну читать мораль —
О том, как жать овес,
И кажется ему, что будто бы
крестьяне
И пашут-то не так,
да и боро́нят косо...
А сам не отличит подсолнуха
от проса.

Рис. В. Фомичева

Н. АНЦИФЕРОВ

ЙОШКАР-ОЛА

Семинар драматургов

В Московском доме актера проходит семинар драматургов Российской Федерации.

Это третий по счету семинар, который проводится за последние годы Союзом советских писателей СССР, Министерством культуры РСФСР и Всесоюзным театральным обществом. Для участия в нем в Москву приехали тридцать драматургов. Среди них — драматурги, чьи пьесы уже стали театральными постановками, и начинающие авторы, которые привезли на суд товарищей по перу свое первое произведение.

Кроме практических занятий, на которых участники семинара обсуждают пьесы, ежедневно проводятся лекции по вопросам драматургии и театральной критики.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«НА ЧЕРНЫХ ЗЕМЛЯХ»

Главное управление животноводства Министерства сельского хозяйства СССР сообщило редакции, что в очерке «На Черных землях», напечатанном 14 ноября, правильно указывается на ряд существенных недостатков в организации использования ценного фонда зимних пастбищ на Черных землях.

Автор правильно поставил также вопрос о недостаточном контроле со стороны Управления Черных земель Министерства сельского хозяйства СССР за зимовкой скота на пастбищах.

Министерство сельского хозяйства СССР наметило меры по улучшению использования отгонных пастбищ, в том числе и на Черных землях. Предусматривается устранить чересполосицу в использовании пастбищ колхозами различных областей и республик, повысить продуктивность пастбищ путем лиманного орошения, подсева трав и других мероприятий. Намечены также меры по значительному расширению строительства водопоев и помещений для скота.

Министерством принимаются меры по улучшению культурно-бытового обслуживания колхозников, занятых в отгонном животноводстве.

«ПО ЧЕРТЕЖАМ И КАРТИНКАМ...»

Так называлась статья, опубликованная в «Литературной газете» 8 августа 1953 года. В этой статье говорилось о значительных недостатках в оснащении вузов оборудованием и приборами. Серьезной критике подвергалась работа Главного управления снабжения и сбыта Министерства культуры СССР.

В связи с выступлением газеты в редакцию поступило письмо начальника Главснабсбыта Министерства культуры СССР тов. Нестерова, в котором сообщается, что статья правильно ставит вопрос о недостаточном оснащении лабораторий и учебных кабинетов современным оборудованием.

В настоящее время Министерство культуры СССР подготовило заявку на важнейшие виды оборудования и приборов, в частности, на новые механизмы и машины для сельскохозяйственных вузов. Принимаются меры к тому, чтобы эта заявка была выполнена министерствами и ведомствами, поставляющими оборудование для учебной и научно-исследовательской работы.

Заместитель начальника Управления сельскохозяйственных вузов Министерства культуры СССР тов. Подколзин сообщает, что в настоящее время разрабатываются предложения, предусматривающие улучшение учебно-производственных баз вузов, в том числе Новочеркасского инженерно-мелиоративного института и Азово-Черноморского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

Из сельской жизни

Николай ВИРТА

Речь пойдет о теперешней сельской жизни.

Сельское хозяйство — в центре внимания партии, правительства, всего народа. Колхозное село должно дать в изобилии свои продукты, сырье и этим в значительной степени гарантировать выполнение огромного, невиданного плана производства продовольственных и промышленных товаров, развития товарооборота, то есть, короче говоря, плана крутого подъема благосостояния народов, населяющих нашу великую страну.

Решения партии и правительства о крутом подъеме социалистического земледелия и животноводства всколыхнули глубочайшие слои народа. На колхозную деревню они произвели громадное впечатление.

Известно, что наш крестьянин—человек весьма реалистического склада характера. Он верит фактам. И он сразу подсчитал, что доходы его резко увеличились уже в этом году, а будущее, которое он представляет себе тоже вполне реально, сулит еще больше—и ему, колхознику, и колхозам.

В свое время, а оно не за горами, исчезнут соломенные крыши, плохие дороги, шаткие мосты, а в сельпо деревенский человек найдет то, за чем сейчас едет в районный центр, а то и в областной...

Внутреннее содержание жизни становится богаче—это обозначено где более ярко, где менее, но и там и здесь заметно для наблюдательного глаза.

Будущее замечательно.

Но и сделать надо грандиозно много для того, чтобы выполнить все предначертанное — и в какой срок! Было бы непростительной наивностью думать, что дела сами пойдут, как по маслу: решения, мол, есть, все там обстоятельно указано, колхозники, мол, вполне удовлетворены, колхозы тоже, специалисты едут в село, только успевай принимать их, и все это сразу, без всякого труда, поднимет сельское хозяйство.

Невозможно предположить, что иные председатели колхозов или бригадиры, привыкшие брать взятку с колхозников (поллитрами и четвертинками предпочтительно, иногда с закуской) за то, чтобы дать лошадь для поездки в лес за дровами, в поле за соломой или по другим надобностям, сразу превратятся в ангелов, перестанут устраивать родственников и подхалимов на легкие и лучше оплачиваемые работы («Своя-то рубаха, авось, ближе к телу!»), начнут считаться с агрономом («Ты меня не учи, я сам все знаю!»), выполнять решения правления, регулярно собирать общие собрания («Еще чего! Много чести!»).

Не исчезнут, разумеется, тотчас давители и душители критики, мстящие за критику любыми средствами, вплоть до «снятия и исключения» особо строптивых, не исчезнут сразу и бюрократы.

Иной бюрократ так крепко «вмерзает» в свое логово, что отодрать его от места, к которому он прикипел, можно лишь с величайшими усилиями. О некоторых из них хочется рассказать.

БЮРОКРАТ ТИХИЙ

Меня познакомили с одним таким человеком. Вид его обыкновеннейший: глаза и улыбка добродушные, голос и не громкий, но и не очень тихий, держится с достаточной солидностью, одет не броско, говорит, не прибегая к вычурным оборотам. При первом взгляде Иван Иванович оставляет впечатление порядочного человека. Некогда он был учителем, проявил себя активным общественником, и лет тринадцать тому назад его избрали председателем районного исполкома. На этом месте, так сказать, по первопутку, он зарекомендовал себя хорошо.

Областной город в годы войны находился в непосредственной близости к фронту и был отрезан от угольных бассейнов. Школы, больницы, госпитали остались без топлива, замерзал водопровод, останавливались электростанция, промышленные предприятия. Спасти город могли только дрова. Их было много в лесничестве, расположенном километрах в пятидесяти. Но грузовой транспорт был мобилизован, а тягло находилось в тяжелейшем состоянии из-за бескормицы.

Между тем город и лесничество соединяла река; по преданиям, в старые годы она была на большом расстоянии судоходной, но потом ее заметали пески, сужали камышовые заросли, из года в год она мелела.

Иван Иванович предложил построить на реке плотину, прорыть обводный канал, поставить шлюз и пропускать баржи с дровами. За эту идею ухватились.

В те тяжелые дни сотни колхозниц, подростков и стариков вышли на реку. Копали и строили своими руками, при помощи примитивных механизмов, изобретаемых и сооружаемых тут же на ходу. В осеннюю стужу, под дождем и мокрым снегом работали эти люди, а председатель исполкома—среди них, с ломом или топором.

То был действительно подвиг, и он увенчался успехом: построили плотину, шлюз, и ранней весной в город потянулись баржи, груженные дровами.

И это был тот политический капитал, который нажил Иван Иванович. Он не хвастал своей заслугой: скорее, собирал с нажитого капитала проценты, чем пускал его целиком в оборот. А проценты, действительно, шли, и выражались они в виде голосов на любых выборах. Куда бы Иван Иванович ни голосовался — депутатом районного Совета, членом райкома, членом бюро райкома, — он неизменно, из года в год проходил единогласно. Только единогласно!

У него не было ни явных, ни тайных врагов, потому что он никому не отказывал, напротив, всем обещал, но всегда выходило так, что обещанного не выполнял, за что, впрочем, на него почему-то не сердились — каждый полагал, что не повезло только ему. Отмечу его добропорядочность. Ни в каких дурных поступках, ни в пьянке, ну, решительно ни в чем он замечен не был, семейная жизнь представляла собой пример многим, грешным по этой части... Правда, от него уже перестали ждать взлетов, но еще считали хорошим работником «спокойного типа»: без особенных идей и фантазий. Да, новых идей у него уже не было — по совести говоря, он стал человеком глубоко равнодушным к живому делу.

С аппаратом он жил в полном ладу, секретари райкомов (он пережил их, находясь на своем посту, трех или четырех) тоже как-то мирились с ним, уповая, главным образом, на его честность; председатели колхозов и сельсоветов с виду уважали его, но внимали рассеянно.

Он заседал, ездил по колхозам, но все как-то вразвалку, не спеша, но и без очевидной лени, как будто и вникая в суть вещей, но не делая выводов и не строя перспектив; мирился с недостатками, как с чем-то неизбежным, хотя много и часто говорил о них — и не без жара — на всевозможных заседаниях, собраниях и активах. Иногда он даже повышал голос и тщился быть суровым.

Казалось, что он привержен к бумагам, сидел над ними добросовестно, но как-то получалось так, что хода им все равно не давалось, очевидно, по причине их устарелости.

Помимо всего прочего, Иван Иванович начал страшиться... успехов, побед в соревновании с соседями. Это ведь ко многому обязывает! Поэтому он сторонился «фантазеров», хмурился, когда ему предлагали новую и свежую идею, переходил сразу на другое...

А дела в районе шли все хуже: одно за другим проваливались даже и такие мероприятия, в которых Иван Иванович принимал непосредственное участие, — не заладилось с орошением, не ладится оно и до сей поры. Бесконечно долго тянулось любое строительство — школ, электростанций.

Как бы поточнее сказать... Вот мы ходим по траве, не замечая ее: трава и трава! Так, фигурально выражаясь, стали ходить и по Ивану Ивановичу, словно по траве, не замечая, что это человек, а не что-то очень уж привычное, намозолившее глаза, совсем никчемное...

Иван Иванович с виду как бы и безвреден, тих и скромен, но всякое живое дело при соприкосновении с ним — человеком вялым и равнодушным — увядало, чахло и гибло.

Наконец это поняли и три года думали: что же с ним делать? Вопрос далеко не праздный: ведь за ним не было никаких тайных или явных грехов. Как снять? За что? Пойди, найди подходящую формулировку! Тем не менее снимать его надо было, и чем скорее, тем лучше. Думали: куда его послать? Не направить ли директором школы? Но педагогическая деятельность мерцала где-то в тумане далекого прошлого, а переучиваться — поздно. МТС ему нельзя доверить: нет достаточных знаний, хозяйской руки. Послать в колхоз председателем? Не годится: все развалит. Три года его терпели. Он и сам, очевидно, понимал, что ему надо уходить, но, во-первых, самолюбие, а во-вторых, куда он мог уйти?

Затем случилось вот что: избрали секретарем комитета партии этого района весьма энергичную женщину. В прошлом она была агрономом, затем партийным работником, в начале войны ушла в подполье, потеряв двух малолетних детей и старуху-мать, испытала все превратности военных лет, партизанила, вышла на Большую землю, нашла детей и мать, но не застала в живых мужа, три раза эвакуировалась, пока не застряла в этих местах... Здесь ее избрали первым секретарем райкома. В течение четырех лет Марья Ивановна поставила на ноги колхозы, воспитала детей, и когда жизнь начала уже налаживаться, ее перевели в тот самый район, где председателем исполкома сидел Иван Иванович.

Марья Ивановна много работает, вникает во все мелочи, но при случае любит повеселиться: лихо пляшет русскую, но не чурается и фокстротов, неплохо поет, много читает, главным образом, по ночам: это уж у нее привычка—читать до поздней ночи. Зимой она встает в восемь, весной и летом — на рассвете.

На работе Марья Ивановна в меру грозна и в меру обходительна, заседать не очень любит, а если заседает, то толково, не тратя попусту времени на многоглаголание. В новом районе ее сразу «признали». Она объехала колхозы, смотрела внимательно, главным образом, слушала.

Уже потом услышали на бюро ее решительный голос и поняли, что Марья Ивановна досконально разобралась в делах района.

Ивана Ивановича она терпела год. Но, разумеется, эти две натуры никак не могли ужиться, и здравый партийный смысл одержал победу над жалостью и прочими сентиментальными чувствами, которые обуревали всех, как только заходил вопрос о снятии Ивана Ивановича.

Ему нашли работу в районе: почетную должность, которая не слишком ущемляла его самолюбие и позволяла на более узком участке более широко себя проявить.

Все полагали, что эта встряска выведет Ивана Ивановича из его состояния. Но недавно бывший председатель исполкома отчитывался на сессии районного Совета о своей деятельности на новом месте, и депутаты поняли, что он и тут почти безнадежен! Не любя или не желая ссориться, работая, как работал все предыдущие годы, снова погрузившись в «деловое безделье», Иван Иванович попал в руки не совсем чистоплотных людей, не сумел или не захотел их во-время осадить, писал бумаги, заседал, наставлял, обещал и не выполнял, пытался что-то наладить... и все валилось из рук, и дело начало разваливаться.

Думается, что он еще поползет вниз, но так ли быстро, как некогда был вознесен на вершины районного руководства? Вот в этом я не уверен. Не думаю, чтобы даже такой энергичный человек, как Марья Ивановна, смогла легко отодрать этого тихого бюрократа с его места.

БЮРОКРАТ ГРОЗНЫЙ

Во время недавней поездки я имел возможность наблюдать одного секретаря районного комитета партии.

Известно, что сентябрьский Пленум ЦК решил перестроить партийную работу на селе. Секретари райкомов, кроме первого, должны с группой инструкторов работать непосредственно в МТС и колхозах. От их умелых действий, от детального знания жизни и обстоятельств в каждом колхозе, в бригаде — колхозной или тракторной, на ферме; от правильной расстановки коммунистов на производстве, от размаха и глубины партийно-воспитательной работы и неослабного партийного ока зависит многое в выполнении директив партии.

На первом секретаре райкома, как сказано в решении Пленума ЦК, лежит общее руководство этими группами...

В районе, о котором идет речь, подобная реорганизация партийной работы уже проведена.

Как же Иван Петрович — первый секретарь этого райкома — понял задачу общего руководства?

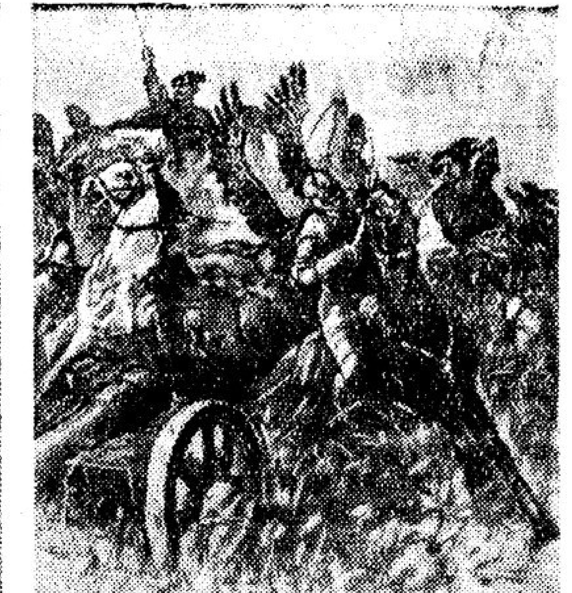
Надо сказать, что он и раньше болел склонностью к командованию: командовал всем и всеми. Его стилем был разнос — в любой форме и по любому же поводу. Он полагал, что «с этим народом иначе нельзя». Ездил он по району много, но предпочитал передовые колхозы.

Замечу, что в «передовые» колхозы у него попадали не всегда действительно передовые, а те, где председатели отличались обхождением с начальством, со всех ног кидались ему навстречу и вытягивались для рапорта чуть ли не по-военному: Иван Петрович некогда был командиром роты.

Рапорты он очень ценил, благоприятная сводка была для его сердца усладой, но проверять рапорты и сводки он не всегда удосуживался из-за обилия заседаний. Заседания его не утомляли — всюду звучал его властный, распекающий голос.

Иллюстрации М. Дерегуса к роману Натана Рыбака «Переяславская Рада», выходящему в издании «Держлітвидава» Украины.
Фото Я. Паволоцкого

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ХУДОЖНИК

В. КАВЕРИН

Глубокая, всепоглощающая любовь к родной русской литературе была основной чертой всей жизни Юрия Николаевича Тынянова. Это чувство находило разные формы выражения. В юности — стихи, потом — наука, которая была, в сущности, не чем иным, как жадным стремлением изучить и понять прелесть русской литературы. Наконец, исторический роман, художественная проза, в которой его талант выразился с наибольшей силой.

Первый роман Тынянова «Кюхля», посвященный поэту-декабристу, другу Пушкина — Кюхельбекеру, вышел в свет в 1925 году и сразу завоевал признание читателя.

Страхов писал Толстому в 1878 году: «У Семевского оказалось большое собрание ненапечатанных стихов и прозы Кюхельбекера и его дневник... Но я побоялся труда и времени, которых будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей...»

Тынянов не «побоялся труда и времени». Он был первым человеком, который разобрал это собрание стихов и прозы Кюхельбекера и впоследствии опубликовал их.

«Кюхельбекер — трогателен»,— ответил Страхову Толстой. Именно эта «трогательность» Кюхельбекера, его человечность, его неловкое, неуклюжее, но алмазно-чистое стремление к справедливости привлекли внимание Тынянова. Он стал изучать Кюхельбекера и изучал его, в сущности, всю свою жизнь.

Но самое совершенное знание материала, как известно, не создает еще художественного произведения. В «Кюхле» был создан характер. Писатель и революционер, «пропавший без вести,.. осмеянный понаслышке», как писал Тынянов о Кюхельбекере, ожил перед нами во всей правде своих чувств, со всей трогательной чистотой своих надежд и стремлений. «Кюхля» — это роман-биография. Но, идя по следам главного героя, мы как бы входим в портретную галерею самых дорогих нашему сердцу людей, и каждый портрет — а их очень много — написан свободно, тонко и смело. Везде чувствуется взгляд самого Кюхельбекера, подчас кажется, что он сам рассказывает о себе,— и чем скромнее звучит этот голос, тем отчетливее вырисовываются перед нами трагедия декабризма, исторические судьбы народа. Быть может, именно в этой скромности, незаметности и заключается сила характера, нарисованного Тыняновым. Я не ошибусь, если скажу, что роман «Кюхля» имеет большое воспитательное значение.

В той «портретной галерее», о которой я упомянул, Грибоедов нарисован бегло. Но и этот беглый портрет останавливает внимание — быть может, своим несходством с готовым, сложившимся еще в школьные годы, представлением об авторе «Горя от ума». В романе «Смерть Вазир-Мухтара» — перед нами не хрестоматийный «классик», а друг декабристов, отравленный горечью их неудачи, автор запрещенной комедии, так и не увидевший ее ни в печати, ни на сцене.

О «Горе от ума» в романе говорится мало. И вместе с тем многие страницы романа представляют собой как бы психологический комментарий к гениальной комедии. Все ясно — и причины, по которым она осталась, в сущности, единственным произведением Грибоедова, и тот кажущийся парадоксальным факт, что автор этой комедии, распространявшейся декабристами в целях пропаганды, стал полномочным министром, Вазир-Мухтаром.

В «Смерти Вазир-Мухтара» с глубокой проницательностью вскрыты преступные интриги английской дипломатии, направленные против русского влияния в Персии. В наши дни, когда с газетных страниц перед нами встает Иран, ограбленный, связанный, отданный под власть дерущихся между собой английских и американских капиталистов,— «персидские» страницы романа особенно интересны.

В свое время рапповские критики, нанесшие немалый вред нашей литературе, объявили «Смерть Вазир-Мухтара» мрачной, пессимистической книгой, хотя книга о трудной жизни и страшной смерти Грибоедова едва ли может быть веселой. Пора исправить эту ошибку.

Трудно в краткой статье обрисовать всю большую деятельность Юрия Тынянова. Он работал в кинематографии, много занимался стихотворными переводами (общеизвестны его переводы из Гейне) и написал несколько исторических рассказов. Среди них «Подпоручик Киже» — рассказ, имевший большой успех и в нашей стране и за ее рубежами. С особенным увлечением работал Тынянов над созданием серии «Библиотека поэта». Эта серия была одним из замечательных начинаний Горького.

Горький любил Тынянова, внимательно следил за его работой и в статье «О литературе» назвал оба его романа «отличными, мастерскими...»

Начиная работу над романом «Пушкин», в котором его мастерство достигло наибольшей реалистической силы, Тынянов предполагал этой книгой закончить трилогию «Кюхельбекер—Грибоедов—Пушкин». Он в полной мере сознавал всю ответственность, ложившуюся на плечи писателя, который осмеливается создать роман, охватывающий всю жизнь Пушкина.

В первых вариантах роман начинался с Абиссинии, с предков Пушкина, с петровского арапчонка. Эти главы не удались, и Тынянов надолго отложил работу. Он вернулся к замыслу через год, решив итти вслед за пушкинским планом автобиографии, который относится к 1830 году и публикуется обычно под названием «Программа записок». Программа эта вся помещается на одном листочке и представляет собою краткий перечень событий жизни Пушкина, настолько краткий, что некоторые параграфы оставались для исследователей загадкой.

Нужно было любить и понимать Пушкина так, как любил и понимал его Тынянов, чтобы расшифровать эти загадки, эти начатые и брошенные фразы. «Мои неприятные воспоминания»,—пишет Пушкин. Какие воспоминания? О чем? «Нестерпимое состояние»,— пишет он. Чем оно вызвано? Как его объяснить?

Тынянов заново прочел этот маленький текст и положил его в основу первой части своего романа. Так, из строчки «Юсупов сад.—Землетрясение.—Няня» вышла удивительная по своей силе глава; в ней угаданы первые движения души маленького Пушкина — движения, в которых уже виден будущий гениальный поэт.

Исследователь и художник соединились в этой книге. Случалось, что самое глубокое знание материала все-таки не давало Тынянову возможности нарисовать историческую картину со всей полнотой. Тогда, опираясь на ничтожные данные, на то, что можно назвать лишь тенью поступка, мысли, чувства, он уверенно угадывал главное и строил на нем повествование.

Такою «тенью» была любовь Пушкина к «неизвестной» — любовь, «необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь, им самим не названная, утаенная». Многие исследователи (Гершензон, Щеголев) пытались угадать имя женщины, которую тайно и безнадежно любил Пушкин. Тынянов пришел к выводу, что этой любовью Пушкина была Екатерина Андреевна Карамзина. Он доказал, что к ней относится посвящение «Полтавы», что создание «Бахчисарайского фонтана» связано с воспоминанием о Карамзиной, с ее рассказом. Он объяснил их последнее свидание, когда в последний час своей жизни Пушкин позвал Карамзину, когда, прощаясь, она перекрестила его издали, а он сказал: «Подойдите ближе и перекрестите хорошенько».

И окончательно убедившись в том, насколько ложно так долго державшееся представление о Пушкине, как о ветреном, легко менявшем свои привязанности человеке, Тынянов стал писать об утаенной любви поэта, прошедшей через всю жизнь, от лицея до смерти.

В течение многих лет Тынянов тяжело болел. Во время войны, в трудных условиях эвакуации, он написал третью часть своего романа «Пушкин». Ему страстно хотелось принять участие в борьбе против фашизма, и он написал о генерале Дорохове, герое Отечественной войны 1812 года, который сражался и побеждал под Вязьмой: в те дни, когда Юрий Николаевич работал над этим рассказом, под Вязьмой шли ожесточенные бои...

Он работал, лежа в военном госпитале. Пока мог,— писал, потом диктовал. Он работал до последнего дня, до тех пор, пока еще сохранялись последние крупицы сознания. Имя Юрия Николаевича Тынянова для всех, знавших его, для всех, любящих родную литературу,— светлое имя.

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ПЕСНИ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Седьмой пленум правления Союза советских композиторов, открывающийся сегодня, посвящен проблемам советской песни. Надо думать, что этот пленум вызовет живой интерес общественности, и хочется верить, что в Союзе композиторов и в Союзе писателей изменится отношение к песне, пребывавшей в этих творческих организациях, как правило, на положении падчерицы.

Песня — самый распространенный и любимый народом вид поэзии и музыки, слитых воедино. Самые известные стихи и музыкальные произведения не могут соревноваться в массовости своего распространения с хорошей, полюбившейся народу песней. Понятие «хорошая песня» непременно предполагает, что песня полюбилась, что она долго поется в народе. К сожалению, у некоторых музыковедов и критиков и в учреждениях, от которых во многом зависит судьба песни, именно эта широкая популярность песни (особенно лирической) ставит ее под подозрение: уж нет ли здесь проявления дурного вкуса. В основе этих подозрений лежит, на мой взгляд, незнание вкусов народа. Народ очень осторожно, очень требовательно выбирает для себя песню, ищет в ней прежде всего выражения своих сокровенных чувств и мыслей. Бывают при выборе ошибки. Но они, как правило, исправляются. Легковесная и пустая песня подчас быстро распространяется, но непременно столь же скоро и забывается.

У нас есть много талантливых и разнообразных композиторов, работающих главным образом в песенном жанре и имеющих десятки песен, широко поющихся. Назову лишь некоторых композиторов Москвы и Ленинграда: Дунаевский, Новиков, Блантер, Мокроусов, Соловьев-Седой, Покрасс, Захаров, Милютин, Носов, Б. Александров, Мурадели, Фрадкин, Туликов, Кац, Белый, Листов,—всех не перечислишь... А богатейший опыт А. В. Александрова! Да и у композиторов, работающих преимущественно в других жанрах,— у Шостаковича, Хренникова, Хачатуряна—есть серьезные творческие победы в песенном жанре. Речь идет о сотнях разнообразных песен, бытующих в народе. Многие из них люди поют так, словно сами их сочинили. Это можно сказать о лучших песнях, написанных на слова Исаковского, Суркова, Жарова, Ошанина, Светлова, Софронова, Фатьянова, Михалкова, Чуркина, Васильева, Матусовского, Шведова и других наших поэтов. Многогранно песенное наследие В. Гусева и С. Алымова.

Интересная и многообразная жизнь песни непременно должна учитываться музыковедами и критиками. Но для оценки песни нужно не только мнение критиков, необходимо и время. Старость хорошей песни — это ее молодость. Даже успех песни при первом ее исполнении подчас обманчив.

Посетитель концертов любит слушать песни, уже знакомые. Если он аплодирует и новой песне только потому, что услышал давно полюбившиеся слова и звуки, то эта новая песня жить не будет: похожие, повторно звучащие произведения почти никогда не становятся народными. Истинно оригинальная песня при первом исполнении чаще всего заставляет любителя песен прислушаться, задуматься...

Нередко произведение, содержащее в себе нечто новое, необычайное, трудным путем выходит на широкую дорогу. Куда проще принять и одобрить песню, похожую на уже известные и распространенные! И вот появляются новые песни о мире, повторяющие и в словах и в музыке «Гимн демократической молодежи», «Мы за мир!», появляются лирические песни, бесконечно варьирующие знакомое — «Полюбила я парнишку».

Традиция не имеет ничего общего со штампом и повторением. Необходимо разнообразие произведений песенного жанра. А для этого нужны не только серьезные творческие усилия композиторов и поэтов,— надо, чтобы в творческих организациях, в издательствах, выпускающих песни, на радио искали в новой песне своеобразие и оригинальность, а не стремились услышать в ней уже знакомое и привычное.

Ведь если прослушать песни, которые на протяжении многих лет бытуют в народе, невольно обращает на себя внимание следующее: все любимые народом, известные песни — разные.

К новому в песне относится не только своеобразие мелодии, но и язык. Почему-то считается, что слова, привычно бытовавшие в старых народных песнях и даже в былинах, хорошо укладываются в современную песню. Но разве стилизация и традиция — одно и то же? Ложные поэтические красивости редко вызывают возражение при приеме новых песен, а бытовой разговорный язык немедленно объявляется прозаизмом.

Мы обязаны судить о песне, как о литературно-музыкальном произведении. Законы музыкальной поэтики разнятся от законов литературной поэтики, песня имеет свою специфику.

Об этом слишком часто забывают, и в иных статьях приходится читать такие сентенции: это песня, а не «чистые» стихи. Слово «чистые» поставлено в кавычки, но употреблено всерьез. Но не есть ли деление на «чистую» и «нечистую» поэзию признак пренебрежения к жанру песни, к его специфике? Бесспорно, что в основе песни лежат стихи, но ведь не всякие стихи, даже очень хорошие, становятся песней, могут стать ею. Песня дорога единством музыки и слова, тем, что их не оторвешь друг от друга.

Справедливо требование критики, чтобы текст в песне не походил на рифмованную прозу. Это элементарно, но могут быть хороши по-своему и такие стихи, которые обязательно требуют мелодии, только с мелодией звучат и воспринимаются. Это относится, например, к маршам, иногда к шуточным песням, где присутствуют различные повторы, вводные словечки и т. д. Трудно прочитать, как «чистые» стихи, «Полюшко-поле» Виктора Гусева:

Девушки, гляньте,
Гляньте на дорогу нашу,
Вьется дальняя дорога,
Эх-да развеселая дорога.

Не увидев здесь привычной рифмы, иной критик, быть может, и зачислит эту вещь в разряд «нечистых» стихов. Но нам дорого это замечательное произведение в органическом слиянии стихов Гусева с музыкой Книппера, создающем настроение песни. Неровность и разнообразность стихотворного размера характерны для многих народных песен.

Композиторы крайне редко обращаются к стихотворным сборникам советских поэтов, редко черпают материал из готовых стихотворений. Мало написано песен на лирические стихи Щипачева. А разве певучая поэзия Твардовского не может дать богатейший материал для музыкантов?

К сожалению, к жанру массовой песни в литературной и музыкальной среде еще существует пренебрежительное, несерьезное отношение. Увы, оно почти традиционно. Мне вспоминается старая поучительная история, относящаяся еще к довоенным временам.

Группа выпускников консерватории и литературного института была снаряжена в творческую поездку. Молодые композиторы и поэты долго ехали в поезде. Всю дорогу они спорили об искусстве и критиковали появившиеся в те годы песни Дунаевского и Лебедева-Кумача. Всю дорогу они убеждали друг друга, что эти песни — не искусство, что они потакают дурным вкусам. Наконец, суровые ценители искусства приехали в одну из республик, встретились там с колхозниками, которые спели им свои песни и попросили в ответ что-либо спеть. Покрасневшие юноши запели разруганные ими в поезде песни Дунаевского и Лебедева-Кумача. Оказалось, что именно эти песни отвечают душевному состоянию людей.

За последние двадцать лет у нас накопилось большое песенное богатство. Оно плохо, не по-хозяйски используется. Главным распространителем песен является радио. Однако музыкальное радиовещание в последние годы перестало быть творческой организацией. Здесь порой скоропалительно и безапелляционно выносятся приговоры песне, отсутствует смелость в пропаганде новых произведений. Резко уменьшилось количество авторских передач композиторов и поэтов, а если эти передачи и проходят в эфир, то в них стараются не включать произведений новых, либо кажущихся кому-нибудь из работников радио спорными.

Песни на стихи замечательного поэта-песенника Лебедева-Кумача живут в народе, но крайне редко звучат по радио. Ряд его песен не записан на пленку. Слушая радио, невольно приходишь к мысли, что кто-то из выпускников консерватории, ездивших в описанную выше командировку, постарел, забыл об уроке, полученном в юности, и работает теперь в музыкальном радио.

Сейчас у нас довольно много лирических песен. Большая часть из них «накопилась» еще в те годы, когда лирическую песню в штыки встречали в Комитете по делам искусств, в музыкальном радиовещании, не печатали. Ведь популярная песня Бориса Мокроусова на слова Ивана Шамова «Костры горят далекие» вызвала сопротивление у работников репертуарно-редакторского отдела бывшего Комитета по делам искусств, не исполнялась по радио. Впервые ее «протащили» в радиокомпозиции «Поддубенские частушки», но даже и после этого она долгое время не исполнялась отдельно.

Те же работники репертуарного отдела усмотрели фокстротную интонацию в хорошей песне Блантера на слова А. Коваленкова «Первый город...» и препятствовали ее изданию в Музгизе.

Разные мытарства претерпели и другие лирические песни. Не это ли оттолкнуло от песенного жанра многих активно работавших в нем поэтов и композиторов, которых теперь упрекают за то, что они пишут мало песен.

Если лирическая песня шире зазвучала сейчас, этого никак нельзя сказать о маршевой песне. В музыкальных организациях под видом борьбы за высокое качество, борьбы с упрощенчеством стали подчас бороться против простоты.

Это мешает создавать подлинно массовые песни — маршевые, строевые, трудовые. Песня — не только забава, но и спутница жизни. Мастерство в создании очень простой песни есть как раз высшее проявление мастерства.

Можно лишь приветствовать требование критики — создать нашу советскую песенную классику. Но надо понять, что классика эта выкристаллизуется из живого соревнования очень многих и разных песен, из жизни их в народе.

Песня «зовет и ведет». Она всегда — носитель нового. Тематическую новизну в песню приносят поэты. Но в том-то беда, что сейчас мало создается песен, несущих в себе черты нового, «зовущих и ведущих». Это особенно относится к песням деревенской тематики, слабо отражающим великие сдвиги, происшедшие и происходящие в деревне.

Поиски нового — вот что особенно необходимо сейчас поэтам, композиторам и всем, кто стоит у колыбели песни.

Нельзя сказать, чтобы он не помогал запущенным колхозам, но помогал за счет действительно передовых, отбивая у них охоту к большим урожаям и развращая поблажками отстающих.

К разносам Ивана Петровича приобыкли, авось, мол, пошумит и уедет, зато богатый сосед выручит беспременно: гарантия — сам секретарь райкома, который иного способа выведения отстающих в передовые не знал или не хотел знать, потому что прочие способы хлопотливые, требуют много времени и усилий. А сидеть в отстающем колхозе, помилуйте, что за интерес!

Но вот настали новые времена: Иван Петрович остался в райкоме почти один, если не считать помощника, еще двух-трех работников и шофера. Секретари в МТС, инструкторы в колхозах, общее руководство в руках Ивана Петровича.

Он и начал его осуществлять: наезжал в МТС, в колхозы и теперь уже драил, жал, сыпал перца на хвост, вздрючивал, давал нюхать табачку и пр. и т. п. не только председателям колхозов, а секретарям и инструкторам, обвиняя их в медленных темпах, в непонимании, забвении, пренебрежении, нерадении, требовал темпов, авралов, декадников, штурмов...

За всей этой беготней, шумом, вздрючками ничего настоящего, живого, нового не было.

Душа Ивана Петровича как бы окостенела, покрылась черствой коркой, сердце уже перестало биться сильнее при виде неудач или успехов. Через эту броню не могло пробиться ничто доброе, хорошее, свежее. Он распоряжался в райкоме, «прижимал» всех, кто смел его критиковать, но весьма искусно, так, что не подкопаешься: подхалимы пели ему «многая лета», и не хватало только одного: поставить в райцентре его личный монумент.

Наконец, редактор районной газеты, человек молодой и решительный, выведенный из себя постоянными вздрючками, наговорил Ивану Петровичу на бюро множество неприятнейших вещей, разоблачил его псевдопередовых, доказал, что эти «передовые» председатели держатся только на подхалимаже и на липовых сводках и рапортах, что в колхозах их хуже, чем в отстающих, а отстающие и в ус не дуют, надеясь, как всегда, на выручку...

Редактор припомнил случай, как однажды один из таких «передовых» любимчиков первого секретаря, узнав, что в редакции лежит направленная против него статья, написанная колхозницей, пожаловался Ивану Петровичу, тот позвонил редактору и потребовал снять статью из номера. Редактор отказался. Тогда против селькора было сочинено скверное, грязное дело: автора обвинили в том, что статья написана под диктовку редактора, который-де мстил этому «передовому» председателю, однажды на бюро райкома критиковавшему газету...

Шантаж и вымогательство дошли до того, что автора статьи, под угрозой всяческих кар, заставили отказаться от того, что она писала в заметке. На основании этого «документа» редактор получил строгий выговор и должен был напечатать опровержение, чего, впрочем, он не сделал.

Заседание бюро было чрезвычайно бурным и Ивану Петровичу показало, что дни его сочтены, тем более, что через месяц в районе должна была состояться партийная конференция, а от нее он добра не ждал. Надо было удалить главного зачинщика «смуты», то есть редактора.

Придравшись к тому, что редактор отказался выполнить решение бюро о напечатании опровержения да вдогонку за первой статьей насчет «передового» председателя напечатал в газете вторую, еще более острую, — Иван Петрович собрал бюро и, воспользовавшись тем, что секретари райкома никак не могли прибыть в район, будучи отрезанными непогодой и чудовищной, непролазной грязью, протащил решение об исключении редактора из партии и снятии его с работы «впредь до выяснения»... Свое предложение Иван Петрович мотивировал — чем бы вы думали? — тем, видите ли, что редактор избивает кадры, устраивает в партийной организации склоку.

Правду выясняли не очень долго, но и не очень скоро. Пока об этом решении узнали секретари райкома и актив, пока собрали новое заседание бюро и спорили, пока дело дошло до области и там разбиралось,— время шло, редактор метался из инстанции в инстанцию, страдал, мучился, не спал ночей.

Судьба Ивана Петровича теперь ясна: быть может, до партийной конференции он еще и просидит в кабинете.

БЮРОКРАТ-БОЛТУН

Знавал я директора технической конторы, которая обслуживала колхозы.

Это был жизнерадостный, довольно молодой человек, очень приятной наружности, обходительный, с очаровательной улыбкой и ясными глазами. Славился он оперативностью, безумной энергией, всегда, в любую минуту и при любой погоде готов был сорваться с кресла, ехать «на объект», показать, рассказать все, что интересовало его спутника, представить живописное обозрение грандиозных перспектив, а заодно тут же, «на объекте», выправить, направить, наладить, растолковать, помочь, вытащить из прорыва...

Одно всегда ставило в тупик: он терпеть не мог ездить со мной дважды на тот объект, где мы однажды уже были и где он помогал, растолковывал, вытаскивал из прорыва... Но все-таки я проник в его тайну.

Поехали мы в один колхоз, где налаживалось орошение. Разговор шел между директором, председателем колхоза и техническим руководителем, который работал непосредственно на месте. Директор конторы волновался, жестикулировал, объяснял причины прорыва, записывал неполадки, отмечал в записной книжке потребность в тех или иных деталях и механизмах, устанавливал жесточайший график прибытия их на строительство, посылал отсюда же телеграммы, договаривался о мобилизации рабочей силы, о расстановке ее, о бытовых условиях для тех, кто должен тут работать, и сочинил на ходу великолепный график, где все было предусмотрено.

Председатель колхоза слушал его безучастно, изредка вставляя головоломные фразы, вроде: «Позволь пару слов остановиться в отношении доски» или: «В смысле финансов колхоз не блещет...». Технический руководитель строительства — личность в широченных, невероятно небесного цвета галифе —хмыкал, прищуривал глаза, чмокал, но не произнес ни слова...

Все распределив, растолковав и направив, директор конторы помчался дальше. Недели через три, совершенно случайно, я застал его на том самом объекте, где шел разговор с председателем колхоза и техническим руководителем и увидел ту же самую картину: директор волновался, жестикулировал, писал в записную книжку, толковал о графике, а те, к кому он адресовал свою речь, безучастно слушали, молчали, курили, поглядывали в небеса. Когда директор умчался, я разговорился с оставшимися, спросил их, как выполняется график, прибыли ли детали и механизмы, истребованные телеграммой, и сделано ли директором все обещанное? Мои собеседники отрицательно покачали головами.

И тут я понял, что имел дело с ярким образчиком бюрократа из породы болтунов, — тут-то и понял, почему он остерегался возить меня дважды на один и тот же объект. Уехав с него, он тут же забывал все свои обещания, им же составленный график, посланные телеграммы, путал, посылал в одно место то, что надо было послать в другое, а то и вовсе не посылал, но продолжал «кипеть и гореть» на работе, оправдывая прорывы консервативностью тех, кому он строил «объекты»!

Его ругали, он бил себя в грудь, признавал ошибки, обещал исправить, ничего не исправлял, снова бил в грудь, снова каялся. Так он и держится пока — на самых откровеннейших признаниях ошибок, на клятвах и заверениях, и эти самобичевания и заверения столь откровенны, что рука на него не поднимается, и хотя давно уже вокруг говорят, что пора его убрать из конторы, он еще держится на своем месте, ибо научился действовать на слабые сердца чистосердечными раскаяниями и пылкими обещаниями...

НОВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Хочется рассказать и об одном из тех, кто поднимает наше сельское хозяйство.

Знаю я один колхоз, где несколько лет подряд из-за плохой постановки дела, из-за того, что у кормила правления стояли бездельники и пьяницы, были скверннейшие урожаи. Плохо работала и МТС. Люди этого колхоза года четыре подряд получали на трудодень не больше пятисот граммов хлеба. Разумеется, трудовая дисциплина в колхозе была такая, что надо бы быть хуже, да уж и некуда.

Земельный массив этого колхоза — девять тысяч гектаров. На каждую полеводческую бригаду приходится по три тысячи гектаров. Председателями колхоза здесь в течение многих лет, при множестве перемен, работали люди без знаний, без огонька. Во главе бригад стояли более или менее расторопные колхозники, но имеющие, как правило, образование не свыше четырех классов. И это при сложном севообороте, при наличии новейшей техники и т. д.

С колхозом давно не ладилось. Некоторые председатели, проработав три-четыре месяца, начинали пьянствовать, а кто и воровать колхозное добро.

Колхоз — самый большой и перспективный — становился самым запущенным!

По соседству, в небольшом овощеводческом совхозе, работал главным агрономом пожилой, весьма уважаемый коммунист, работал давно. Глушь, удаленность от культурного центра ему надоели, жена пилила денно и нощно, требуя перемены обстановки. Михаил Иванович сам томился в совхозе: он поставил образцово хозяйство, но развернуться было негде. Михаил Иванович мечтал написать кандидатскую диссертацию на основе большого опыта, но ему не хватало материала, который он мог бы обобщить и тем обогатить науку. И тут ему предложили место главного агронома в большом, богатом совхозе, тоже овощеводческом, где имелись лаборатории, оранжереи, теплицы, штат квалифицированных специалистов, неплохой клуб, хорошее жилье—одним словом, все, о чем можно только мечтать человеку, решившему посвятить себя и практической работе в новых, замечательных условиях и работе научной. Жена была рада-радешенька, потому что совхоз, куда звали ее мужа, располагался невдалеке от областного центра...

Однажды Михаила Ивановича вызвали в областную руководящую организацию, а тот, кто его вызывал, даже прислал за ним свою машину. Можно представить, в каком чудесном настроении агроном ехал в город, совершенно уверенный в том, что его вызывают, чтобы поговорить о переводе на новое место! Он сиял, входя в кабинет ответственного лица. После расспросов о здоровье и т. д. ему действительно предложили новое место: быть председателем колхоза, о котором идет речь...

Михаил Иванович наотрез отказался и упорствовал месяца два. Жена, разумеется, и слышать не хотела о переезде.

Однажды Михаила Ивановича снова вызвали к тому же ответственному человеку в областной центр, и тут состоялся разговор, после которого Михаил Иванович, представляя себе все трудности дела, семейный скандал и крушение мечты, дал согласие.

О чем они говорили, неизвестно, но Михаил Иванович храбро переступил порог новой жизни.

С секретарем райкома поехали в колхоз, где было назначено общее собрание. В ожидании его Михаил Иванович осмотрел хозяйство. Раньше, приезжая изредка в этот колхоз, он не имел времени вдаваться в подробности,—теперь они предстали перед ним. Он нашел скверные фермы, изморенный скот, раскиданные где попало сани, телеги, плуги, веялки... Он обнаружил только одного более или менее пригодного к езде жеребца и единственный более или менее годный комплект выездной сбруи.

Помещение, где заседало правление колхоза, оказалось старой, дырявой избой, где стоял столбом дым.

Собрание продолжалось девять часов: бывшие, снятые председатели колхоза и их окружение подняли шум, орали о нежелании видеть «варяга» и особенно раскричались, когда узнали, что Михаилу Ивановичу надо платить ту зарплату, которую он получал в совхозе (не такую уж большую).

Наблюдая все это и вначале внутренне радуясь, что его, пожалуй, не выберут, Михаил Иванович вдруг ощутил в себе душевный поворот: он захотел, чтобы его выбрали председателем, — долг и честь коммуниста повелевают вытащить колхоз, поставить на ту высоту, которой требует партия, его родная партия!

Он захотел остаться здесь.

Он взял слово. Сначала «теплая компания» устроила ему обструкцию. Но порядок восстановили, и Михаил Иванович говорил в относительной тишине. Он сказал, что дело не в том, выберут его или нет, хотя он и согласен быть председателем, дело в тех возможностях, которыми располагает колхоз. Он сказал о прекрасных землях, заброшенных богатых лугах, о пойме речки, которая сама зовет к себе овощеводов...

К рассвету он был избран большинством голосов.

Началась работа. Она сопровождалась упорной борьбой с теми, кто мешал колхозу. Их заявления отнимали множество времени и нервов, все это было клеветой, но приходилось писать объяснения, порой иметь дело с прокурором.

Ко всему тому Михаил Иванович обнаружил, что колхоз кругом в долгах, счет в банке закрыт, кредитование прекратилось из-за невзноса процентов. Но не финансы привлекли его внимание на первых порах. Он занялся подбором толковых и честных людей, которым мог бы поручить бригады и фермы. Действовал не с наскока, планомерно, тщательно изучая характеры, присматривался к тому или иному человеку.

(Окончание на 4-й стр.)

ЧЕМ ЗАНИМАЕТСЯ „ОРГАНИЗАЦИЯ ГЕЛЕНА“

Таково уж свойство этого дела: тот, кто руководит шпионажем, предпочитает оставаться в тени. В этом смысле не представляет исключения и бывший нацистский генерал Гелен.

Долго маскировал он свою деятельность, стараясь, чтобы о нем по возможности забыли. Но серия крупных провалов его агентов в Германской Демократической Республике вновь извлекла на свет это имя. Немецкая печать как на востоке, так и на западе Германии заговорила об «Организации Гелена».

Обширные документальные материалы и вещественные доказательства, полученные органами государственной безопасности Германской Демократической Республики, а также признания ряда западногерманских газет дают представление о преступной деятельности обширной сети матерых шпионов и разведчиков, объединенных западногерманской секретной службой — так называемой «Организацией Гелена».

В конце октября этого года к властям ГДР обратился с просьбой принять его на территорию республики некий Ганс-Иоахим Гейер, заместитель руководителя западноберлинского шпионского центра X/9592. Этот центр помещался в районе Шёнеберг на Апостель-Паулюсштрассе и был филиалом «Организации Гелена». Свой поступок Гейер объяснил тем, что осознал тот большой вред, который наносила его деятельность в рядах шпионской организации интересам немецкого народа.

Гейер предоставил властям ГДР документы, проливающие свет на подлинную «работу» американо-боннских наймитов из «Организации Гелена». Он показал, что ее основные кадры состоят из бывших офицеров СС, СД и гестаповцев. Гейер подчеркнул, что «шефами» многих западногерманских филиалов этого шпионского центра являются американские подданные, тайные сотрудники Си-Ай-Си — американской разведки.

Чтобы затруднить возможность разоблачений, подразделения «Организации Гелена» прикрывались различными маскирующими названиями: так, «главное управление» именовалось «фирма Герцог», «генеральное представительство» — «фирма Хаазе», а филиал, где работал Гейер, — «фирма Нордланд».

Как видно из разоблачений Гейера и ряда документов, опубликованных в газетах ГДР, агентам геленовского шпионского гнезда давались самые различные поручения. На них возлагались экономический, политический и военный шпионаж, кража патентов, документов (в том числе различных удостоверений и паспортов), создание вооруженных террористических групп, организация актов саботажа, подкуп и шантаж, провокации и многое другое. Для того, чтобы было легче осуществлять все эти преступные задания, шпионов щедро снабжали радиоприемниками, передатчиками и другими видами специального снаряжения. Оно всегда было одинакового происхождения, с клеймом «Made in USA» (сделано в США). Кстати сказать, жители Берлина могли все это видеть на специальной выставке, устроенной властями Германской Демократической Республики. Здесь были собраны американские «адские» машины, радиоаппаратура, а также провокационные листовки, секретные инструкции по шпионажу и т. д.

Материалов для такой выставки собралось немало, так как за первым «провалом» последовали другие. Уже через несколько дней после случая с Гейером в Трептове (демократический сектор Берлина) был предотвращен диверсионный акт. При этом органы безопасности арестовали руководителя филиала геленовской организации № 120-а Вернера Вильгельма Хаазе (он же Гейстер). Хаазе—Гейстер — бывший майор и командир полка гитлеровского вермахта. Он пытался вместе со своими агентами проложить нелегальную телефонную линию между демократическим и американским секторами Берлина для передачи шпионских сведений в Западный Берлин. При аресте Хаазе был конфискован непромокаемый телефонный кабель американского производства. Вчера в Берлине в Верховном суде Германской Демократической Республики начался судебный процесс по делу этого шпиона. Вместе с ним на скамье подсудимых — шесть его сообщников по преступной работе.

Вот чем занимается обширная сеть секретных западногерманских агентов. Она создана для шпионажа и диверсий за рубежом. Недаром во главе этой шпионской организации стоит матерый разведчик Гелен, который сделал себе карьеру еще в годы гитлеризма.

Во время второй мировой войны он, уже в генеральском чине, занимал пост начальника отдела иностранных армий Востока в генштабе нацистского вермахта. Его прямым начальником был адмирал Канарис, возглавлявший германскую контрразведку.

«Восточный опыт» и нацистские убеждения Гелена пришлись по вкусу американским реакционерам. Его сочли подходящим кандидатом на роль начальника шпионского органа в Западной Германии. Гелен начал сколачивать свою организацию в конце 1946 года, и этот факт достаточно ярко показывает, о чем уже тогда заботились агрессивные круги США. Они создавали немецкую военную разведку, потому что собирались воссоздать германский вермахт. Одно немыслимо без другого.

Гелен, повидимому, сумел угодить своим иностранным хозяевам. Не случайно американцы в свое время предлагали возвести его в ранг статс-секретаря.

Как сообщает немецкая печать, в 1950 году расходы на эту шпионскую сеть достигли весьма внушительной суммы — 18 миллионов марок. А сейчас они составляют уже 25 миллионов марок в год. До сих пор финансирование велось американской Верховной комиссией в Германии за счет оккупационных расходов. Иными словами, янки расплачивались с нанятыми ими шпионами деньгами... западногерманских налогоплательщиков. Вот уж поистине чисто американский способ обделывать дела!

В последнее время на страницы западногерманской печати проникли сведения о том, что «Организация Гелена» все более тесно врастает в боннскую государственную машину. Например, сообщалось о том, что в ближайшие недели так называемая комиссия боннского бундестага по вопросам «европейской безопасности» на секретном заседании решит вопрос о включении аппарата Гелена в систему правительственных учреждений.

Правительство Аденауэра видит в «Организации Гелена» то же, что и агрессивные круги США: ядро разведки возрождаемого германского вермахта. «В Бонне говорится о том, — пишет газета «Вестфелише рундшау», — что к федеральному канцлеру периодически поступают секретные сообщения «Организации Гелена» и что он предпочитает эти сообщения информационному материалу федерального ведомства по охране конституции».

Итак, связи Гелена с правящей кликой Аденауэра все крепнут. Особенно тесный контакт поддерживается с так называемым министерством по общегерманским вопросам, возглавляемым боннским министром Якобом Кайзером. Однако германская демократическая печать подчеркивает, что заокеанские хозяева Гелена оставляют за собой общий надзор и руководство. Характерно, что при штабе организации, расположенном в маленьком военном городке Пуллах (близ Мюнхена), на территории американской запретной зоны, работают 40 офицеров США, специалистов по шпионажу. Прикрываясь именем Гелена, как ширмой, они-то и дают основное направление шпионско-диверсионной деятельности. Кроме того, американцы попрежнему «подбрасывают» Гелену то деньги, то радиопередатчики, то телефонный кабель. Взамен они требуют все большей активности. Того же, впрочем, хотят и боннские реваншисты.

Таким образом, можно говорить о своеобразном смешанном американо-боннском шпионском концерне, каким стала сейчас «организация» генерала Гелена. Дело поставлено на широкую ногу. Число агентов, состоящих на службе у Гелена, по данным западноберлинской газеты «Вестфелише рундшау», превышает 4 тысячи. Примерно тысяча агентов работает в военном отделении, то есть занимается военным шпионажем. Специалисты из Си-Ай-Си, надо думать, не расходятся с фактами, когда заявляют, что из всех разведок Западной Европы западногерманская шпионская служба располагает самой разветвленной агентурной сетью. Уж они-то знают это лучше всех!

Разоблачительные материалы, опубликованные в немецкой демократической прессе, говорят о том, что тысячи западногерманских шпионов — это сгусток отъявленных нацистов и милитаристов, злейших врагов миролюбивых народов. Их тайная деятельность полностью отвечает реваншистским устремлениям этого сброда.

Установлено документально: «Организация Гелена» работает не только против Германской Демократической Республики и стран Восточной Европы. Вот что пишет западногерманская «Вестфелише рундшау»:

«Говорят, что политическое отделение шпионской организации Гелена работает также и за границей, причем открытым является вопрос, направлена ли его работа только против Востока».

Далее газета высказывается еще определеннее: «Работа аппарата Гелена направлена также и против западных стран».

В конце прошлого месяца берлинские демократические газеты опубликовали выдержки из показаний одного из руководящих сотрудников «Организации Гелена» — Вольфганга Пауля Хоэра, арестованного органами безопасности ГДР. Факты слежки за представителями французских оккупационных властей в Германии, попытки ознакомления немецких шпионов с планами Франции в германском вопросе, активизация агентурной деятельности в Сааре, установленные следствием, целиком подтверждают следующее признание Хоэра: «Из разговоров с руководящими работниками секретной службы Гелена и из секретных документов, которые я получал из вышестоящих инстанций, мне стало известно, что руководимая Геленом западногерманская шпионская служба ведет свою разведывательную работу не только против стран демократического лагеря, но и против западноевропейских государств, в первую очередь против Франции».

Яснее не скажешь!

На древних немецких гравюрах коварство, шпионаж было принято аллегорически изображать в виде ядовитой змеи. Шпионская организация Гелена — змея с длинным, разветвленным жалом. Она стремится как можно сильнее ужалить всех соседей Западной Германии — и восточных и западных. Два стратегических направления ее деятельности точно отражают агрессивные планы западногерманских реваншистов.

Д. БЕНЕСЛАВСКИЙ, М. КАРПОВИЧ

Боннский бундестаг
Рисунок из немецкого журнала «Фришер винд»

Из сельской жизни

(Окончание. Начало на 2—3-й стр.)

Постепенно вокруг Михаила Ивановича начала складываться группа честных, самоотверженных людей, вдохновленных энтузиазмом председателя колхоза, уверовавших в то, что и их артельное хозяйство станет добротным. Эти люди, коммунисты и беспартийные, молодые и старики, работали не покладая рук, и медленно, но верно колхоз менял свое лицо. Навели порядок на фермах, в складах и общественных амбарах, бережно начали хранить машины, орудия, завели строгий учет колхозного добра, регулярно стали собирать правление, общие собрания; партийная организация росла и крепла на глазах.

Тем временем Михаил Иванович предпринимал меры на будущее.

Памятуя о том, что ответственный товарищ в области обещал помощь при крайнем случае, он обратился к нему, рассказал о тяжелом финансовом положении артели. Колхоз получил стотысячный срочный кредит. Правление распределило эти деньги следующим образом: прежде всего, купили на большую сумму овощных семян и удобрений. Во-вторых, приобрели лес и кирпич для строительства. Решили построить и помещение под правление, полагая, что авторитет руководителей отчасти зависит и от того, где они работают и принимают людей, ибо еще здравствует, а в селе особенно имеет практическое значение поговорка: «По одежке встречают, по уму провожают». В-третьих, потратили деньги на приобретение...

Тут я должен сделать маленькое отступление. В иных кинофильмах и романах отстающие колхозы поднимаются и расцветают чуть ли не в полгода. Увы, к сожалению, так не бывает. Председатели колхозов, партийные и советские работники кладут много сил, чтобы поставить иной плохой колхоз на верный и добрый путь, прибегая к различным средствам, в том числе и к психологическому воздействию. Кто понимает характер крестьянина, его душу, тот знает, что он и сам любит не ударить лицом в грязь, и особенно не любит, чтобы лицом в грязь ударяло «начальство». Он полагает, что хозяйственно и толково руководить народом может человек высокой культуры как в работе, так и в быту, хозяйственно и толково ведущий и свой дом.

Михаил Иванович хорошо знал это — и на остаток денег купил пару кровных лошадей для председательского выезда, заказал у наилучшего мастера в городе красивую тележку, ковровые сани, сбрую, украшенную медными бляхами. Однажды он явился в колхоз, сидя в санях, управляя двумя горячими конями, от которых шел пар.

При виде нового выезда все были поражены. Вот, наконец, появился в колхозе настоящий человек, понимающий, что к чему, и не ударивший в грязь лицом! Выезд стал законной гордостью колхоза, тем более, что кровные лошади вообще были нужны в хозяйстве для улучшения поголовья, а тут разом и кобыла и жеребец отличных статей!

Весной Михаил Иванович отвел двадцать гектаров под овощи. Это тоже стоило ему немалых трудов. Овощами тут занимались, и всегда с убытками. Новый председатель сколотил овощную бригаду, учил людей, читал лекции, сам работал в бригаде, отрываясь от прочих дел... Овощи дали колхозу около полумиллиона, полеводство в тот год тоже кое-что дало, и колхозники впервые получили по килограмму зерна на трудодень и по полтиннику деньгами.

...На следующий год он посеял тридцать гектаров овощей. Половина их, несмотря на героические усилия, погибла от засухи. Засуха сорвала все виды Михаила Ивановича на урожай зерновых. Снова пришлось немного подтянуть пояса, но и это бедствие не сломило людей колхоза, воодушевляемых своим председателем. На третий год Михаил Иванович посадил сто гектаров овощей, предпринял ряд усиленных агротехнических мер в полеводстве: снегозадержание на больших площадях, боронование озимых, подкормку их, успешно провел орошение на ряде участков, мобилизовал решительно все, чтобы во-время убрать урожай без потерь. И овощеводство и полеводство дали большой доход, колхозники получили по три килограмма зерном на трудодень, овощи, деньги.

Эти годы, как в том признавался Михаил Иванович, были самыми сложными, тяжелыми, но и самыми радостными в его жизни: работая не покладая рук, встречаясь иной раз, казалось, с непреодолимыми трудностями, он с радостью наблюдал, как мало-помалу колхоз выходит на хороший путь, как крепнут силы и авторитет партийной организации, как все более дружно народ поднимается на борьбу за новые успехи.

...О Михаиле Ивановиче остается добавить, что он работает в колхозе и по сию пору, занимается животноводством, строительством клуба, мельницы. Он избран депутатом районного Совета, а по ночам он пишет научную работу.

* * *

Здесь только несколько фактов и несколько характеров из записной книжки. Некоторые из этих фактов представляют собой известное обобщение, иные характеры дополнены чертами других, виденных и знакомых мне людей, но все это — сама жизнь. Она огромна, интересна и разнообразна.

По страницам печати

«Женьминьжибао» — Китай; «Народна младеж» — Болгария.

ОБЛИК НОВОГО ГОРОДА

Газета **«Женьминьжибао»** сообщает о новом промышленном городе, появившемся на географической карте Китайской Народной Республики. Это город Хуанши на южном берегу реки Янцзы в провинции Хубэй. Он вырос на месте двух захолустных поселков вокруг крупного металлургического завода, работающего на базе восстанавливаемых железных рудников Дае, цементных заводов и электростанции, посылающей ток по высоковольтной линии также и предприятиям города Уханя.

«Через город, — сообщает газета, **— протянулись широкие мощеные магистрали, по которым непрерывным потоком идут автомашины... На городских пристанях швартуются суда водоизмещением в несколько тысяч тонн. В городе курсируют автобусы, открыты государственные и кооперативные магазины, работают 16 начальных и одна средняя школы, геологический техникум, медицинское училище...»**

Газета пишет далее, что в этом году к 167 с лишним тысячам квадратных метров жилой площади прибавляется еще сто тысяч, возводятся здания больницы, кинематографа, драматического театра, разбивается большой парк в живописных окрестностях Хуанши.

В СЕЛЕ ЧЕРНИ ОСЫМ

В глубине страны, там, где прокладывает свой путь к Дунаю от Калоферской планины быстрая река Осым, раскинулось это болгарское село. Удивительно изменилась его жизнь за последние годы!

«В Черни Осым, — сообщает газета **«Народна младеж», — открыт Дом культуры с библиотекой на тысячу томов и просторным читальным залом. Библиотека регулярно получает болгарские и иностранные газеты. По вечерам здесь всегда можно видеть много посетителей. При библиотеке работают книгоноши. Они снабжают местное население книжными новинками. В Доме культуры имеется кинозал на двести мест...».**

В селе, по данным газеты, выстроено 15 новых жилых домов, проведен водопровод и заасфальтированы отдельные улицы, открыты магазин сельского кооператива, почта, ресторан и гостиница.

„Леттр франсез“ о советской литературе

Французская прогрессивная интеллигенция живо интересуется советской литературой и искусством.

Ярким свидетельством этого растущего интереса к вопросам советской культуры является выпущенный недавно прогрессивным еженедельником «Леттр франсез» специальный номер, целиком посвященный советской литературе и искусству.

В номере напечатаны высказывания В. И. Ленина, И. В. Сталина по вопросам советской культуры, приведена выдержка из доклада Г. М. Маленкова на XIX съезде КПСС, в которой определены задачи советских писателей.

Номер открывается большим очерком Луи Арагона. В живой форме воспоминаний о своих поездках в СССР, о встречах с советскими писателями Луи Арагон рассказывает об основных этапах развития советского общества и советской литературы. Луи Арагон подчеркивает, что выпущенный «Леттр франсез» специальный номер служит целям укрепления культурных связей между французской и советской интеллигенцией.

Французские авторы, выступившие на страницах газеты, обращаются к различным областям советской культуры. Писатель Жан Фревиль посвящает свою статью основоположнику метода социалистического реализма великому Горькому, подчеркивая его роль в развитии мировой литературы. Андре Вюрмсер в статье «Да будет мир!» пишет о значении романа Ильи Эренбурга «Девятый вал». Пьер Декс останавливается на письмах читателей «Леттр франсез», полученных в связи с выходом на французском языке романа Галины Николаевой «Жатва». Перу доктора Антуана Корра принадлежит статья «Учение Павлова в 1953 году». Творчеству композитора Сергея Прокофьева посвящает свою статью Луи Дюрей. Поль Гранжон рассказывает о большом успехе, которым пользуются во Франции произведения советских композиторов, выпускаемые различными фирмами в граммзаписи. Анатоль Коп пишет о проблемах градостроительства в СССР. Достижениям советского кино посвящена статья Жоржа Садуля. Успехи советской шахматной школы освещены Ф. Мольнаром. Даниэлем Ансельмом написан большой репортаж о посещении летом этого года советским композитором Дмитрием Кабалевским тех мест, где происходит действие романа Ромэн Роллана «Кола Брюньон», на сюжет которого композитором была написана опера «Мастер из Кламси». Редакционная статья знакомит читателей со структурой, целями и задачами Союза советских писателей СССР.

Среди материалов, принадлежащих перу советских авторов, центральное место занимают статьи, связанные с проходившим недавно XIV пленумом правления Союза советских писателей СССР. Газета опубликовала с некоторыми сокращениями доклад К. Симонова «Проблемы развития советской драматургии» и дневник пленума. Опубликованы также статьи Н. Охлопкова «Драматургия и театр нераздельны» и Бор. Лавренева и Вл. Пименова «Формальная опека или творческое руководство?»

Большое внимание газета уделила советской поэзии. В переводах Луи Арагона и Эльзы Триоле напечатаны стихи Владимира Маяковского, А. Твардовского, Н. Асеева, С. Маршака, Ольги Берггольц и Веры Инбер. Опубликованы также статья Мирзо Турсун-Заде «Мой поэтический опыт», сокращенный перевод статьи Ольги Берггольц «Разговор о лирике» и выступление Веры Инбер на совещании молодых критиков «Помогать поэтам».

Общие вопросы развития советской литературы представлены в статьях Ильи Эренбурга «Да, наша литература тенденциозна», Галины Николаевой «Вдохновляющая программа творчества», М. Луконина «Творческая работа — главное», Георгия Гулиа «Где же образы наших современников?», в отрывках из статей советских критиков.

В номере опубликованы также первое письмо Сергея Антонова из цикла «Как писать рассказы», статья В. Ажаева «Заботливо воспитывать молодые кадры» и рассказ молодого писателя, представителя народа чукчей Ю. Рытхэу «Окошко».

Международная почта

РЕКОРД ЦИНИЗМА

Люди не так глупы и легковерны, как этого хотелось бы американским пропагандистам. Журнал «Перспективы США», рассчитанный на западноевропейскую интеллигенцию, вынужден учитывать это немаловажное обстоятельство. Как известно, задача журнала состоит в том, чтобы реабилитировать «американский образ жизни» и американскую «культуру» в глазах людей, довольно хорошо знающих цену и тому и другому. Одурачить таких людей не просто: примитивные уловки могут дать только отрицательный результат, и поэтому журнал не рискует прибегать к избитым приемам пропаганды.

Приведем характерный пример. «Перспективы США» не могут обходить молчанием вопрос о расовой дискриминации. Однако голословно отрицать известные всему миру факты журнал тоже не решается. Вместо этого он избирает совершенно неожиданный путь. С невероятной злобой «Перспективы США» обрушиваются на негритянских писателей за то, что они смеют писать о... положении негров в Соединенных Штатах. Чтобы дать благопристойное объяснение своей ярости, журнал делает вид, будто он заботится о художественных достоинствах негритянской литературы: узкая тематика ограничивает, дескать, «свободу творчества» молодых писателей-негров. А раз так, то нечего зря тратить время на «однообразные и бесплодные (!! — **Ред.**) нападки» на расовую дискриминацию. Негритянский писатель должен, дескать, понять, что он «вовсе не обязан раскрывать двери гетто и выставлять напоказ... жестокость и жадность белых хозяев». Характерно, что «Перспективы США» даже не пытаются опровергать факты, о которых рассказывается в произведениях негритянских писателей. Более того, в статье, которую мы цитируем, не содержится ни единой нотки протеста против этих фактов. Такова, мол, американская действительность, пора бы уж привыкнуть — разводят руками редакторы журнала. Когда же эта действительность получает отражение в литературе, они приходят в ярость и впадают в разнузданно-циничный тон.

«Многие обезумевшие негры, одержимые чувством обиды из-за совершенной по отношению к ним несправедливости, не дают свободы молодому писателю. Доведенные до бешенства мучениями, унижением и чувством стыда, которые причинили им белые, они требуют расистской (!! — **Ред.**) пропаганды, требуют, чтобы молодой негритянский писатель непрестанно гнусавил извращенную песню их ненависти».

Иными словами, «Перспективы США» обвиняют в расизме не линчевателей, а негров, осмеливающихся возражать против вопиющих беззаконий, против фактов расовой дискриминации, признаваемых самим же журналом.

Рекорд цинизма!

КРАСНАЯ ШАПОЧКА НА ПОДОЗРЕНИИ

Известно, что гитлеровский министр пропаганды Геббельс относился весьма отрицательно к Красной Шапочке за ненавистный ему цвет ее головного убора и за... французское происхождение. (Сказка о Красной Шапочке была написана в конце семнадцатого века известным французским писателем Шарлем Перро).

Ныне бедная Красная Шапочка снова подвергается преследованиям, на этот раз — за океаном. Теперь придрались не только к цвету ее шапочки и к национальности, но и к ее поведению и образу мыслей, а также к образу мыслей автора сказки.

Некая миссис Уайт, член комиссии Маккарти по обследованию школ в штате Индиана, изучала в поисках крамолы школьные пособия для младших классов. И вдруг она напала на след Красной Шапочки. Какой ужас! Явная пропаганда! Типичная подрывная деятельность! — воскликнула ретивая маккартистка. И тут же официально заявила, что Перро «протаскивал» идею победы бедных над богатыми, то есть, иными словами, вел «коммунистическую агитацию», а такие идеи «подрывают» устои американского капитализма и «угрожают» безопасности Соединенных Штатов. Опасную сказку, не унимается г-жа Уайт, следует вычеркнуть из детских хрестоматий, изъять, запретить...

Как видно, пишет в связи с этим газета «Юманите», Красной Шапочке «угрожает перспектива попасть не только в зубы к волку, но и в иную пасть».

ПОДАРОК К РОЖДЕСТВУ

«В таком виде американские дети предстанут к рождеству перед своими родителями... «Радарные глаза», «атомно-лучевые пистолеты» и «приемо-передатчики мыслей» одержали окончательную победу над ковбойскими шляпами, лассо и револьверами», — пишет западногерманская газета «Нюрнбергер нахрихтен», поместившая этот снимок.

Детективная «литература», воспевающая насилие и садизм, фильмы, проникнутые духом откровенного милитаризма, и, наконец, «атомные» игрушки — таковы приемы «воспитания» подрастающего поколения в Соединенных Штатах!

НОВОГОДНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

С начала нового, 1954 года во многих английских домах резко повысится квартирная плата. Как это ни покажется парадоксальным, речь идет именно о тех домах, которые находятся в самом разрушенном состоянии и уже давно не ремонтировались.

Английское правительство, пишет газета «Дейли уоркер», решило отменить ограничения, не позволявшие домовладельцам взвинчивать цены выше определенного уровня. Официальное объяснение: дополнительные средства необходимы, дескать, домовладельцам на ремонт домов. В действительности же это будет лишь способствовать выкачиванию денег из кармана трудящихся.

Домовладельцы наживаются в условиях острого жилищного кризиса, сдавая в наем полуразрушенные здания, напоминающие трущобы. «Дома, в которых разрешено это чудовищное повышение квартирной платы, в большинстве своем лишены самых элементарных удобств», — пишет «Дейли уоркер».

АМЕРИКАНЦЫ В ГРЕЦИИ

Американский офицер при взгляде на надпись «Американцы, убирайтесь домой!»:

— Проклятие! А мне казалось, что у греков другой шрифт!..

Рисунок из газеты «Тэглихе рундшау»

ЧЕМ ПАХНУТ ДЕНЬГИ КРУППА

Господин Альфред Крупп фон Болен-Гальбах решил одним махом составить себе славу филантропа и избавиться от заслужившей печальную славу фамильной «виллы Хюгель», ибо это название в умах современников ассоциируется с происходившими здесь совещаниями господ, финансировавших Гитлера...

Сказано — сделано. Семейный совет Круппов постановил: подарить «виллу Хюгель» городу Эссен.

Щедрость эта повергла эссенскую магистратуру в смятение. Расходы на содержание «виллы Хюгель», составляющие много миллионов марок в год, магистрату не по карману. Думать, что их можно будет покрыть входной платой за ее осмотр, не приходится: «вилла Хюгель» никакой художественной ценности собой не представляет, более того — она безобразна...

Одному из чиновников магистрата города Эссена пришла в голову идея: открыть в «вилле Хюгель» игорный дом.

О том, что произошло после того, как этот чиновник поделился своей идеей об открытии игорного дома с обер-бургомистром города Эссена, сообщает выходящий в ГДР журнал «Вельтбюне».

«Обер-бургомистр... был шокирован. Это означало бы «лишить ореола» имя Круппа; деньги картежников испокон веков считают дурно пахнущими. Неуважительный вопрос инспектора: неужто деньги, заработанные на продаже пушек, пахнут фиалками? — заставил обер-бургомистра немедленно прекратить разговор. Последствия всей истории: инспектора уволили, ибо раз он считает состояние Круппов происходящим из нечистых источников, значит, он не голосовал за Аденауэра...»

ЗАОКЕАНСКАЯ КИНОФАЛЬШИВКА

С голливудского конвейера сошел очередной антисоветский фильм — «Это началось в Москве». Кинокартина живописует фантастические приключения одного американского репортера в советской столице. Новая голливудская кинофальшивка ничем не отличается от прежних: вранье в ней перевито клеветой, и изготовлена она в полном соответствии с «нормами» заокеанской реакционной пропаганды, сеющей вражду и ненависть между народами.

Американские киноделъцы, явно переоценивая «магическую» силу рекламной шумихи, предрекали антисоветскому «боевику» триумфальное шествие по экранам Европы. Однако они жестоко просчитались. В Стокгольме, например, фильм демонстрируется всего лишь в двух второразрядных кинотеатрах.

Даже буржуазная печать не решилась замолвить хоть словечко в защиту антисоветского фильма. Газета «Дагенс нюхетер» назвала картину «бессмыслицей», от которой «остается лишь удручающее впечатление». «Стокгольмс-тиднинген» упрекнула фильм в «наивности» и саркастически заметила, что сюжету «в лучшем случае могут поверить только американцы». «Интрига этого фильма весьма глупая», — отозвалась «Моргонтиднинген». Рецензент «Свенска дагбладет» не преминул отметить, что фильм «преподносит недоумевающей публике какую-то мешанину». А газета «Афтонтиднинген», как бы подводя итог нелестным высказываниям об очередной голливудской провокационной выходке, прямо заявила: «Никто не может помешать американцам ставить отвратительные фильмы, но кто-нибудь должен воспрепятствовать им поставлять такие фильмы в Швецию».

Короток же век у голливудских кинофальшивок!

Смесь

Предосторожность не мешает. Недавно американский министр земледелия Бенсон выступал с речью на собрании фермеров штата Висконсин. Как сообщает газета «Нью-Йорк таймс», присутствовавшим бросилась в глаза одна любопытная деталь: во время выступления министр был отделен от своей аудитории тремя рядами железных столбов с колючей проволокой. Очевидно, эта предосторожность понадобилась, чтобы оградить министра от возможных проявлений «чувств» со стороны присутствовавших. Ведь положение американских фермеров в настоящее время поистине катастрофическое. Недаром в связи с кризисом сельского хозяйства в США орган деловых кругов «Уолл-стрит джорнэл» предсказывал, что из общего числа «фермеров, проживающих в 48 американских штатах, многие в этом году потеряют все, вплоть до последней рубашки»... Согласимся, что опасения господина Бенсона не были лишены оснований.

Не все то золото... «Тот факт, что проект создания европейской армии отнюдь не пользуется популярностью среди французских военнослужащих, ни для кого не составляет секрета. Поэтому наши атлантические деятели не гнушаются никакими средствами воздействия», — пишет французская газета «Юманите». Так, например, сообщает газета, всем французским офицерам недавно разослали штатное расписание с указанием окладов в проектируемой «европейской армии», — окладов, несколько более высоких, чем те, которые в настоящее время получают офицеры французских вооруженных сил. «Нечего сказать, хорош способ позолочения пилюли!» — иронизирует «Юманите», возмущаясь этой неуклюжей попыткой подкупа французских военнослужащих.

Пособие для преступников. Как взорвать автомашину? Подробный ответ на этот вопрос можно найти в очередном номере норвежского... детского журнала «Кинг». Следуя северо-атлантической «моде», этот журнал начал помещать американизированные рассказы с картинками. Норвежская газета «Дагбладет» пишет по этому поводу, что юные преступники охотно воспользуются советами детского журнала.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03861.